

18+

Алексей Макаров

КУРСАНТСКИЕ РАССКАЗЫ



Алексей Макаров

Курсантские рассказы

«Издательские решения»

Макаров А.

Курсантские рассказы / А. Макаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694193-9

На первой части книги автор делится воспоминаниями о самых светлых и незабываемых днях курсантской юности. Это время, проведённое в училище, воспитали в нём и его друзья дух мужского братства. То, что вбивали в этих беззаботных парней отцы-командиры, сделало из них настоящих мужчин, моряков, судовых механиков и отличных отцов семейств, о чём рассказывается во второй части книги. Некоторые истории описаны с долей юмора, но так, чтобы читатель ощутил всю реальность и трудность морской профессии.

ISBN 978-5-00-694193-9

© Макаров А.

© Издательские решения

Содержание

Курсантские рассказы	6
Предисловие	6
Вступление	7
Рельса	8
Швед	11
Поляки	15
Черепок	21
Наберлялся	24
Сгущёнка	26
Завпрод	31
Костомаха	34
Частик	37
Наряд	39
Максик	48
Близнецы	54
Портофлот	58
Ром «Негро»	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Курсантские рассказы

Алексей Макаров

© Алексей Макаров, 2026

ISBN 978-5-0069-4193-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Курсантские рассказы

Предисловие

Хорошая традиция есть у выпускников ДВВИМУ. Сколько бы лет ни прошло, а они ежегодно встречаются в один и тот же день, определённый ими, когда они выпускались из стен училища.

Из их памяти никогда не уйдут торжество и веселье того счастливого и яркого дня. Молодые парни, перед которыми открыты все дороги, обещают друзьям, что этот день для них навсегда останется в памяти и они обязательно встретятся на этом самом месте, что бы ни произошло в мире, на континенте и вообще во всей Вселенной.

Но, годы идут, море и жизненные штормы разбросали романтически настроенных юношей по всему Земному шару.

Порой не хватало времени, когда судно находилось в порту, чтобы вырваться домой, увидеть семью и навестить родителей, так что уж говорить о данных когда-то обещаниях.

День выпуска как-то ушёл в небытие. Но память парней, а ныне взрослых и убелённых сединами мужчин о годах, проведённых, в одном строю и под одной крышей, даёт о себе знать.

Жизненные передраги уходят, а дружба, связывающая в своё время этих молодых ребят, остаётся, поэтому они встречаются в этот самый, когда-то назначенный день.

Радость встречи непередаваема. Желание поделиться воспоминаниями о тех незабываемых годах пересиливает всё.

Морские «волки» садятся за стол и начинают неспешный разговор...

Вот об этих разговорах и парнях мне бы хотелось поделиться со своими друзьями на страницах этой книги и пусть задор молодых лет никогда не покинет ни одного из моих друзей.

С уважением ко всем своим друзьям и их семьям, Алексей Макаров

Вступление

Прошло более пятидесяти лет, как мы, молодые мальчишки выпустились из стен нашего Высшего Инженерного Морского Училища.

Каждый год в последнее воскресенье июля мы встречаемся и мысленно возвращаемся в те беззаботные курсантские времена и начальные годы своей трудовой деятельности.

Нас осталось не так уж и много. Большинство уже покинули этот бранный мир. Непросто даются годы, проведённые в море. Оно всегда забирает свою дань. Но те из нас, кто в очередной раз приходят на встречу, счастливы и радостны, что они увидели своих прежних друзей-товарищей в полном здравии.

Надолго затеваются разговоры, рассказы о временах, проведенных в море или стенах училища. Теперь, старым морским «волкам» не надо стыдиться мелких неудач, то тут, то там преследовавших их. Сейчас, во время этих встреч, они воспринимаются со смехом, юмором и с легкостью рассказываются единомышленникам.

Некоторые истории, особенно понравившиеся мне, я собрал в рассказах, изложенных в этой книге. Может быть, кое-где я их приукрасил или что-то не так описал. Но пусть меня простят мои друзья, поведывавшие эти рассказы в период откровенности. Они мне запомнились именно такими — яркими и с долей юмора, а особенно рассказы о тех временах, когда на наших плечах развивались гюйсы, а в разрезе фланок проглядывала незабываемая тельняшка.

*С любовью и глубоким уважением
ко всем своим друзьям и однокашникам,
Алексей Макаров*

Рельса (Курсантские рассказы)

После третьего курса ДВВИМУ со своим другом Васькой Волковым я проходил плавательскую практику на т/х «Саша Котов». Мы с ним числились в штате матросами второго класса.

Судно уже сделало один рейс на Чукотку, где мы всем экипажем произвели выгрузку генерального груза на необорудованный берег.

Нас с Васькой использовали в качестве стропальщиков на берегу. Наша задача состояла в том, чтобы зацепить трос с трактора к волокуше, подвозимых к берегу на барже. Трактор вытаскивал волокушу на берег и тащил её метров на пятьдесят от линии прибоа. Там с помощью автокрана ящики из барж выгружались и доставлялись на береговые склады.

Работали все одинаково, потому что задача перед экипажем стояла одна — быстрее выгрузить пароход, пока позволяла погода, то есть не нагнало льдов и не пришёл очередной шторм.

На ходу, когда судно находилось на переходах между портопунктами, мы с Васькой стояли ходовые вахты. Он с третьим помощником, а я со вторым.

По возрасту мы оказались самыми младшими в экипаже. Мужики из палубной команды, да и из машинной тоже, все были намного старше нас. Почти все женаты, к тому же отслужили в своё время в армии или на флоте. Поэтому к нам, салагам, они относились снисходительно, называя студентам.

Вот и сегодня, после швартовки в порту Ванино мужики во главе с боцманом, плотником, токарем и ГЭСом дружной толпой собрались на берег, а нам с Васькой приказали нести вахту у трапа.

Увидев такую несправедливость, я сразу же возмутился:

— А мы что рыже, что ли? Как на берегу пахать, то студенты в первых рядах, а как на берег сойти, то ждите... Чего ждать? — высказывал я боцману своё недовольство. — Нет, так не пойдёт! Мы тоже и в кабак хотим и с девками на танцах пообжиматься. Я к старпому пойду, пусть он решит кому идти, а кому у трапа торчать.

— Да успокойся ты, — приобнял меня боцман за плечи. — Чё ты раскудахтался? Успеете вы пообжиматься. Какие ваши годы? Недельку стоять будем у причала. Отпущу я вас погулять. Устанете ещё расслабляться. Сами запроситесь на работу, когда деньги кончатся.

Боцмана я понимал. Ему больше всех досталось на этой самовыгрузке. Ведь он всю выгрузку работал основным лебёдчиком. В его заведовании находились все грузовые средства, а с плотником он занимался всеми тяжеловесными работами. Мы его ценили за опыт и знания, поэтому гонор свой я утихомирил и согласился с ним.

Ваську определили на вахту у трапа с восьми вечера. Мне же досталась вахта с нуля часов. К такому расписанию вахт нас приучили на ходу. Поэтому, повозмущавшись для остротки, мы согласились с доводами боцмана и умили свой пыл.

Мужики после ужина принарядились и дружной толпой свалили на берег. Нам оставалось только с завистью смотреть им вслед.

Телевизор, пока судно стояло в порту работал, поэтому я до самой вахты смотрел передачи, фильмы и новости. За последние два месяца я порядком отвык от всего этого, поэтому хорошо провёл время.

Но ночью телевизор не работал. Я задрал трап, устроился под лампочкой и читал свежие газеты, принесённые агентом трансфлота.

Васька мне передал, что только пара мотористов вернулась на борт, а остальные мужики где-то загуляли.

Поэтому, просматривая газеты и журналы, я поглядывал на причал в ожидании появления подгулявшей толпы. Но так до конца вахты никто и не появился. Смена моя тоже где-то пропала.

Пришлось разбудить третьего помощника, которого, как самого молодого из штурманов, оставили на суточной вахте и доложить ему об этом.

Спросонья третий едва понял, что я от него хочу, но когда до него дошло, что сменщика моего нет и в ближайшей перспективе он не появится, то попросил:

— Саня, ну будь человеком, достой ты эту вахту, — и в красках обрисовал мне какую именно вахту я должен отстоять.

Поэтому в такую глухую ночь, где только одинокий месяц проблёскивал на чёрном небе, мне ярко высветилась перспектива, что торчать мне у трапа придётся до самого утра, пока Васька вновь не сменит меня.

Хоть и шёл август месяц, но к утру стало прохладно, так что мне пришлось даже спуститься в каюту и надеть телогрейку. Потом я зашёл в столовую, включил кипятильник и, дождавшись пока вода закипит, сделал себе чай.

Дверь из надстройки на палубу я не закрыл, чтобы если вернутся наши загулявшие мореманы и начнут орать, то смог бы слышать их крики и трап задрал высоко, поэтому никто до него даже запрыгнуть бы не смог.

Не успел я допить чай, как услышал, чьи-то крики. Меня удивило то, что голоса с причала доносились какой-то слабенькие и в них отсутствовали все прелести непередаваемого морского сленга.

Я ещё удивился, неужели наши алконавты так пережрали, что орут таким фальцетом, хотя в своё время их голоса звучали громче рёва штормового ветра и рыка тракторов.

Поэтому, не спеша, с кружкой чая я подошёл к трапу и с удивлением обнаружил, что на причале стоят не наши доблестные покорители заполярных широт Чукотки, а группка женщин с сумкам и котомкам.

До меня сразу дошло, что это жёны наших доблестных героев, покоряющих в данный момент совсем другие вершины и что эти женщины приехали утренним поездом из Владивостока.

Я тут же побежал к третьему помощнику с не очень хорошей новостью. От неё у третьего сон моментально пропал.

— Чё делать то? — обалдело хлопал он глазам. — Мастеру что ли доложить?

Третий только как пару лет назад закончил нашу мореходку, поэтому особого опыта в морской жизни, так же, как и я, не имел.

Но мне, пока я бежал к третьему, пришла в голову оригинальная мысль, которой я тут же поделился с ним.

— Да подожди ты со своим капитаном. Успеешь ещё, — пристопорил я обалдевшего третьего. — Пусть себе спокойно спит. Слушай сюда. Давай, поднимай Ваську и пусть он бежит на проходную. Мужики так и так к семи часам придут на судно. Им же на работу надо. Васька их там встретит и предупредит о жёнах. А там они что-нибудь сами придумают, — я с нетерпением смотрел на озадаченного третьего помощника в ожидании его решения.

— А чё? Это идея! — воодушевился третий помощник. — Скажет им, что капитан их послал получать снабжение.

— Какое снабжение? — теперь уже настала моя очередь тупо смотреть на третьего. — Ведь мы только вчера пришли и ничего заказать не успели.

— Какое, какое? — прервал меня третий. — Сами пусть разбираются какое. Давай, буди Ваську. Времени для базара нет, а я пойду с жёнами разговаривать.

Я помчался к Ваське. Тот, как всегда, был недоволен утренним подъёмом, но когда до него дошло какова его задача, то мигом оделся и сквозанул из каюты.

Когда я поднялся на главную палубу, то увидел с десяток женщин, что-то бурно обсуждающих, с третьим помощником в столовой команды.

Стараясь оказаться незамеченным, я проскользнул мимо этой галдящей и возмущённой толпы и проник к трапу.

Краем уха я даже услышал чей-то возмущённый женский голос:

— Безобразие! Они и так корячились на самовыгрузке без сна и отдыха, а тут их ни свет, ни заря подняли и за каким-то поганым снабжением отправили.

Ну, это было уже не моё дело. Моё дело — исправно нести вахту у трапа, чем я и занялся, изображая из себя очень занятого человека. Я даже многозначительно, со знанием дела, отвечал на вопросы женщин, то и дело выбегающих на палубу.

Через полчаса из-за ближайшего пакгауза появилась вереница медленно идущих моряков.

Приглядевшись к этой веренице, я сразу понял почему они идут столь дружно и слаженно.

Народ тащил на плечах рельсу.

Сколько весила эта рельса, я не знаю, но судя по медленной походке и подгибающимся коленям наших отважных гуляк, весила она прилично.

Кто-то из женщин известил своих подруг о приближающихся мужьях, и вся галдящая красота человечества высыпала к трапу.

Моряки и тут не подкачали. Они медленно поднесли бесценный груз под четвёртый трюм и по команде боцмана одним движением скинули его на причал.

Отряхнувшись и размяв затёкшие плечи, они степенно поднялись по трапу и тут уже оказались в объятьях своих ненаглядных, которым и море по колено, когда они несутся на любой край Советского Союза, чтобы хоть одним глазком посмотреть на своих любимых неповторимых мужчин.

(Рассказ капитана дальнего плавания)

20.07.2022 г.

Швед (Курсантские рассказы)

Это была моя первая индивидуальная практика, куда меня направили уже не курсантом-практикантом, а матросом первого класса.

На судне я отработал уже больше месяца, сдружился с парнями из палубной и машиной команды, примерно моего возраста, но мужики постарше, как боцман с плотником, всё равно относились ко мне снисходительно, обращаясь не иначе, как «студент».

Но я на них не обижался, потому что это они с виду казались такими суровыми и грубыми, а на деле обучили меня многому и привили те навыки, которые мне, как будущему судоводителю, оченьгодились в будущем.

Наше судно третий день стояло под выгрузкой леса в порту Ниигата и сегодня экипаж отпустили в увольнение в город.

Желающих «пошерстить» капитализм вывезли в центр города на небольшом автобусе, оставили там на пять часов и так же скопом привезли обратно на судно.

Этих пяти часов мне хватило, чтобы полностью изменить представление о капитализме и как он там «загнивает», как нам доводили до сведения преподаватели кафедры марксизма-ленинизма в нашем несравненном училище.

Меня поразило всё увиденное в городе. Впечатления, полученные во время увольнения, полностью выбили меня из колеи жизни, ведь я даже не мог представить себе, что люди вообще могут так жить.

Начнём с того, что это был мой первый рейс за границу нашего несравненного СССР.

До сегодняшнего дня я считал, что наш советский образ жизни и социалистический строй являются самыми лучшими и правильными. Меня всегда удивляло отношение капиталистических стран к политике Советского Союза. Зачем они делают нам всякие пакости? Зачем они брызжут на нас слюной ненависти? Разве они не видят, как мы счастливы, довольны и радуемся миру, счастью, в котором процветает наша страна? Я никак не мог понять такого отношения этих стран к самой лучшей стране на планете.

Но сегодняшняя поездка в город поколебала все устои, взращённые во мне родителями, школой и училищем.

Началось с того, что нам выдали зарплату в виде японских иен из расчёта десятидневного рейса.

Но нам выдали не зарплату, а так называемые «подфлажные» и выплачивались они от процента к окладу. То есть 22.5% от оклада.

Зарплата плавсоставу выплачивалась отдельно рублями, а так называемые «подфлажные» предназначались, чтобы моряки на берегу смогли купить себе мороженое, сок или что-нибудь для лёгкого «перекусона».

Если матрос первого класса проводил за границей целый месяц, то получал 23.62 рубля «подфлажными». Или, как их официально называли, инвалютными рублями.

При курсе доллара к рублю 0.63—0.68 рубля это значило, что матрос получил бы 14.88—16.06 долларов США в месяц. День прихода в порт и день отхода из порта считались одним днём. Поэтому капитаны всегда старались отходить до полуночи, а приходить после неё, чтобы увеличить количество дней, проведённых за границей СССР.

Ну, а при моей зарплате в 105 (деревянных) рублей в месяц, как у матроса 1-го класса, за десять дней мне полагалось 7.87 долларов США.

А сколько мне стоило труда и забот, чтобы получить эту «корочку», чтобы пойти в рейс матросом первого класса! Кто не суетился, тот ушёл на практику вторым классом, а это 95 рублей в месяц. Своим достижением я очень гордился.

При переводе на иены это оказалось чуть меньше тысячи иен.

И что с ними можно сделать на берегу? Я этого ещё не знал, но когда нас высадили у торговой улицы, то в полной мере ощутил.

Блок жвачки — 350 иен, более-менее сносные джинсы 1000 иен.

А вокруг жизнь была ключом! Яркие рекламы, зазывная бодрая музыка, народ, одетый, как с картинок.

Если пройти по Ленинской во Владивостоке, то в глаза сразу бросалось, что все люди почему-то одеты в чёрно-серое. Идут, уткнувшись в тротуар, а при сближении, бросают на тебя оценивающий короткий взгляд и сразу же отводят его в сторону.

А здесь же на тебя вообще никто не обращал никакого внимания. Делай, что хочешь. Сиди, ходи, занимайся своими делами... Так в основном все и делали.

Женщины спешили куда-то за покупками. Мужчин днём почти не видно. Только пожилые люди выгуливали своих внуков, а те, как разноцветные бабочки носились и порхали по аллеям парков, в палисадниках или по этажам супермаркетов. Поразило то, что эти пожилые люди заводили внуков на верхние этажи супермаркетов и оставляли их играть на специальных детских площадках, а сами попивали кофе, ведя беседы со своими друзьями и знакомыми.

Когда я, привлечённый ароматом кофе, подошёл и заглянул в меню одного из кафе, то пить, есть и вообще, совершать какие-либо телодвижения, мне сразу расхотелось. Цифр меньше, чем в 300 иен в этих меню не значилось, а что там ещё написано иероглифами, прочесть я не смог.

Так что, при посадке в автобус у меня кроме злости и разочарования от прогулки по «загнивающему» капиталистическому миру ничего не осталось.

И вот с такими мыслями и в таком настроении я заступил на вахту у трапа с нуля до четырёх утра.

Тёплая ночь, ни единого ветерка, так что в легкой курточке я чувствовал себя комфортно. Все работы японские грузчики закончили ещё в пять часов вечера. Причал от просыпанной коры зачистили, а брёвна, выгруженные с судна, аккуратно сложили в глубине причала.

Причал хорошо освещался прожекторами с пакгаузов и окружающих их столбов освещения. Так что создавалось впечатление, что ночь как будто и не наступила, настолько вокруг всё ярко освещалось.

Стояла звенящая тишина, сквозь которую не доносилось ни единого звука из недалеко расположенного города, сияющего яркими огнями реклам и фонарей уличного освещения.

Чтобы как-то отвлечь себя от мыслей, разрывающих мозг, я ходил по палубе вдоль надстройки. Трап приподнял над причалом, так что опасности, что кто-то по нему может пробраться на судно не было.

Двадцать шагов в нос, двадцать шагов в корму и так много-много раз подряд дефилировал я по палубе, вспоминая и «переваривая» сегодняшнее увольнение.

Неожиданно из-за дальнего пакгауза показалась одинокая фигура, бредущая по направлению к нашему судну.

Чем ближе фигура приближалась, тем явственнее ощущалось, что к судну бредёт подвыпивший человек.

Он шёл неровной походкой, ноги заплетались и выделяли замысловатые зигзаги по бетонированной поверхности причала.

Подойдя к трапу, он по-английски прокричал:

— Есть кто живой на борту?

В училище нам преподавали английский, поэтому навыки в общении на этом языке у меня имелись. Я вышел на верхнюю площадку трапа и крикнул вниз:

— Ну, я тут. Чего надо?

— А ты кто? — задрал голову, прокричал пришедший.

— Я вахтенный матрос? — крикнул я в ответ.

— Послушай, вахтенный, позови вахтенного помощника, — громко попросил мужчина.

Одет, если судить по-нашему, он был шикарно. Джинсы, подпоясанные широким ремнём, короткая джинсовая куртка. Рубашка в крупную клетку, а в руках кейс типа «дипломат». Чувствовалось, что мужик где-то падал, потому что колени его джинсов и локти куртки перепачкались грязью, поэтому я смотрел на него сверху вниз, как на обычного забулдыгу и засомневался, а стоит ли мне вообще выполнять его просьбу.

Но мужик не унимался и продолжал громко требовать:

— Чего стоишь? Позови помощника!

— А зачем он тебе? — ещё раз попытался выяснить я. Ведь среди ночи звонить вахтенному помощнику и будить его мне не хотелось.

— Моё судно стоит на рейде, — заплетающимся языком попытался объяснить пришедший. — Пусть он по УКВ его вызовет и объяснит, чтобы они за мной бот прислали. — Мужик, видать, на эти объяснения потратил последние силы и был уже не в состоянии находиться в вертикальном положении.

Он присел на свой «дипломат» и в бессилии повесил голову.

Решив про себя, что с третьим помощником особенного ничего не случится, если его вызвать, а тем более, что он выходил с полчаса назад перекурить, я крикнул вниз:

— Сейчас, подожди, я ему позвоню, — и, подойдя к телефону, набрал номер третьего помощника.

Тот, видимо, не спал и сразу поднял трубку.

— Что-нибудь случилось? — с тревогой в голосе поинтересовался он.

— Да тут какой-то мужик хочет тебя видеть, — начал объяснять я. — Просит, чтобы ты связался с его судном, и они прислали за ним бот.

— Чего, чего? — не понял третий.

— Бот прислали, — повторил я последнюю фразу.

Трубка некоторое время молчала, видимо, третий помощник соображал, что ему в этой ситуации предпринять, но, что-то решив для себя, уже спокойнее ответил:

— Сейчас приду. Жди.

Через пару минут он вышел к трапу и, перегнувшись через леера, крикнул поникшему мужику:

— Так чего тебе надо?

От его окрика мужик встрепенулся, поднялся с «дипломата» и махнул рукой:

— Иди сюда. Сил у меня с тобой кричать нет, — еле слышно донеслось до нас.

Поняв, чего хочет мужик, помощник скомандовал:

— Смайнай трап, — что я сразу же и сделал, а третий не спеша спустился на причал.

Из любопытства я тоже проследовал за ним.

Увидев рядом с собой вахтенного помощника в форме, мужик, а это оказался парень чуть постарше меня, оживился и принялся объяснять:

— Я матрос со шведского судна. Я тут заблудился и никак не могу найти путь назад на своё судно. Свяжись по УКВ с моим судном, пожалуйста, Богом прошу, — при этом он многократно повторял название судна, — и попроси их, чтобы они прислали за мной бот.

Третий внимательно выслушал мольбу шведского матроса, но решить, что следует предпринять в создавшейся ситуации, так и не смог. Уж больно странной выглядела просьба этого подвыпившего матроса, но обнадёжил его:

— Подожди минутку. Сейчас решим, что делать, — и поднялся по трапу на борт судна.

Ну, не через минуту, а минут через десять, к трапу вышел помполит и спустился на причал в сопровождении третьего помощника.

Помполит был ещё тот фрукт. Толстый, пузатый, ленивый, наглый и хамоватый с теми, кто ниже его по чину, но перед капитаном всегда лебезил и старался угодить во всём.

Увидев эдакого монстра, швед воспрял духом и вновь начал повторять свою просьбу, при этом путая английские и шведские слова.

Но помполиту было всё равно, на каком языке говорит матрос, потому что он на всех иностранных языках знал только одно: «Yes and no», да ещё обладал странной привычкой при усиленных нагрузках на мозг — жевать пустым ртом.

Швед перед этим пузатым, жующим существом распинаясь и что-то пытался то ли доказать, то ли упросить, а помполит молча стоял и смотрел на него, хотя третий помощник бормотал ему перевод просьб шведа.

Швед, ничего не понимая в чём же дело и что он не так говорит, вновь и вновь начинал повторять свои объяснения:

— Сейчас ночь, темно, холодно. Я не знаю куда мне идти и боюсь потеряться, — но, понимая, что его мольбы не доходят до собеседника, начал просить: — Тогда если это невозможно, то хотя бы пустите меня на борт судна. Я тихо посижу и никого не буду трогать... А утром уйду.

Но помполит, как скала, стоял и молчал.

Наконец из его утробы вырвалось единственное слово, которое он знал в совершенстве:

— No.

Поняв, что его просьбы не нашли понимания, швед замолчал, повесил голову, но, подумав пару секунд, поднял её, посмотрел помполиту в глаза и уже спокойным голосом задал вопрос:

— А под каким флагом ваше судно?

Третий помощник перевёл помполиту вопрос шведа и тот, широко расправив плечи, и гордо задрав голову, заявил:

— Рашен.

— А-а-а. Р-а-а-а-шен, — разочарованно протянул швед, презрительно перекосив губы.

Больше не сказав ни слова, он развернулся и со всей силы махнув рукой, как бы сметая с себя грязь, прилипшую к нему, побрёл к пакгаузам, откуда недавно появился.

Меня от чувства горького стыда за свою страну и от слова «раашен» чуть наизнанку не вывернуло.

Неожиданно мне до боли стало обидно, что из-за таких уродов как это жирное ничтожество, вообразившее себя пупом земли, к нам во всём мире так презрительно относятся — «раашен».

(Рассказ капитана дальнего плавания)

17.04.2023 г.

Поляки (Курсантские рассказы)

Прекрасная погода стояла в Ванкувере в начале осени. Главное — что не жарко. Не то что в Сьенфуэгосе, откуда пришло наше судно.

Оно стояло на линии Ванкувер — Куба, куда перевозило серу. Зачем кубинцам столько серы, мы не знали и интересовало это нас меньше всего.

Если сказано перевозить, то и перевозили, поэтому судно с этим грузом сделало уже два рейса и впереди корячилось ещё с парочку.

Но, судовые дела и проблемы — это одно дело, а отдохнуть от них всё равно когда-нибудь надо.

Поэтому в этот день мы совершили «набег» на Ванкуверские супермаркеты, а оставшиеся деньги от нашей мизерной зарплаты, с удовольствием профукали в пивном баре «Жёлтый апельсин».

На такси, чтобы добраться до судна, денег не осталось, поэтому мы неспеша двигались вдоль побережья бухты к причалу, где нас ожидало наше судно и долгожданный отдых перед вахтой.

Чтобы особо не плутать, мы сошли с трассы и шли по параллельной причалам улице.

Она иногда выделяла колени и подходила чуть ли не в плотную к причалам, которые в отличие от наших портов, не огораживались фундаментальными заборами с колючей проволокой.

На одном из таких зигзагов нас вынесло к причалам с рыболовецкими сейнерами.

В отличие от наших судов, надстройки их не сверкали белой краской, а кое-где на них даже пробивались следы ржавчины, наспех покрашенной оранжево-коричневой грунтовкой.

Рыбаки, они и в Африке рыбаки. Их от грузовых судов можно легко отличить по надстройке, мачтам и кормовому слипу, на который затягивается трал с пойманной рыбой. Ребятам там приходится изрядно пахать, чтобы выловить «богатство» океанов, а за внешним видом своих траулеров им следить некогда.

Идём мы с сумками и пакетами в руках вдоль этих траулеров и глазеем на них.

Стоят себе траулеры, отдыхают и никого не трогают. Тишина. Красота, а погода так и шепчет: «Займи, но выпей».

Солнышко светит, на небе тучки белеют, ветерок ласкает своим дуновением, от чего на клёнах широкие листья едва колышутся.

Настроение — позавидуешь, особенно после того, как в баре пивка попили и на крутящихся у шеста девчонок поглазели.

Идём, перекидываемся впечатлениями от увольнения, да о жизни нашей корабельной и неожиданно слышим, как с одного из траулеров нас окликают по-русски, но с каким-то странным акцентом больше похожим на прибалтийский:

— Привет, парни, куда путь держите?

Смотрим, с одного из траулеров несколько парней нам руками машут.

Сразу стало понятно, что это они к нам обращаются и, изменив маршрут, подошли к ним.

По трапу подниматься не стали, а перекинулись несколькими фразами. Всё-таки любопытно стало, что это за парни и откуда они так хорошо знают русский язык.

Четвёртый механик, чтобы развеять мои сомнения, прочитал порт приписки.

— Так Гдыня у них порт приписки. Поляки это. — Сообщил он.

Ну, если Гдыня, то ясно, что поляки и почему по-русски говорят. Свои парни, значит. Из социалистического лагеря.

А почему по-русски нас окликнули, так это понятно. Группа из трёх человек с пакетами в руках пешком куда-то прётся. Так по всему миру только русские ходят. Иностранцы к трапу на такси подъезжают.

Святое дело тройка. В тройке лишнего болтать не будешь. Потому что неизвестно, кто из остальных двух продаст секрет, если таковой появится. А что пешком идут, так это от нищеты — зарплат у них такие мизерные. На сферу услуг денег всегда не остаётся.

По многовековой истории межгосударственных отношений со школы я знал, что Польша — это не самое дружеское государство по отношению к нам, тем более, что-то у них там возникло слишком много претензий к нашей стране за последнее время. Но, всё равно, социалистическое же! Хотя в те годы у них уже во всю шумела «Солидарность» и из этой самой Польши уже во всю мочь плевались всяким дерьмом в сторону СССР.

Но от парней с борта никакой агрессивности не ощущалось и на нас смотрели только улыбающиеся и дружественные лица.

— Куда идёте, друзья? — спросил кто-то из рыбаков.

— На судно к себе возвращаемся, — я первым начал разговор. — Вон там, — и указал рукой на уже видневшуюся невдалеке надстройку нашего судна, — наше судно стоит. Серой мы грузимся на Кубу. А вы чего здесь стоите? — в свою очередь поинтересовавшись.

— А мы в заливе Аляска рыбу ловили и сюда пришли на отстой, — ответил кто-то с борта.

— И много поймали? — в свою очередь спросил четвёртый механик.

— Да нормально, — нехотя ответил тот же парень. — Только вот как платить за неё будут никто не знает. Там у нас в стране какие-то забастовки идут. Поэтому и задержка. А как только всё разрешится, то мы домой сразу полетим. А пока отдыхаем перед новой рыбалкой.

— А-а, понятно, — согласно кивнул я. — А мы ещё пару рейсов должны сделать на Кубу и пойдём домой, — поделился я наболевшим, потому что в рейсе мы находились уже пятый месяц. — Ну ладно, бывайте, а то скоро нам на вахту надо.

— Хорошо, пока парни, — донеслось с борта и, махнув рукой на прощанье, я развернулся, намереваясь продолжить прерванный маршрут.

Но тут за спиной неожиданно послышался голос четвёртого механика:

— Счастливо оставаться вам, парни. Скучно будет, заходите к нам в гости, если что...

Я с удивлением оглянулся на догнавшего меня Игоря.

— Ты чё это, Игорёк, в гости их позвал, что ли?

— Да, это я так, для проформы. Неудобно как-то просто так прощаться, — пояснил он.

— А-а, тады лады, — усмехнулся я на его пояснение: — Но смотри, насколько я знаю поляков, по гостям они любители шибаться. Если придут, то с «помпой» сам разбираться будешь.

— А, — отмахнулся от меня Игорь. — Что будет, то будет.

Единственный, кто при этом не проронил ни слова, это мой вахтенный моторист. А что ему встречать? Он намного старше нас с Игорьком и за всю свою морскую жизнь словами разбрасываться не научился, а вот дело своё знал прекрасно. За что мы его и ценили.

На судно вернулись вовремя, помполит к нам претензий не имел и с особыми вопросами не приставал.

На судно его прислали перед самым отходом из Владивостока И этот сурового вида мужчина возрастом далеко за сорок из бывших механиков, вызывал у нас уважение. За словом в

карман не лез, но и лишних на ветер не бросал. Дело своё знал. На все лекции и мероприятия, проводимые им, народ шёл без принуждений и всегда с удовольствием слушал его, потому что порой помполит выдавал такую информацию, что её и в энциклопедии трудно найти.

Погрузка заканчивалась и в преддверии отхода дед расставил нас на ходовые вахты, поэтому по приходу на судно, мне пришлось сразу заступить на вахту, а когда я в двадцать сменился, то очень удивился телефонному звонку в каюте.

После вахты я вернулся в каюту только с одной мечтой — это запрыгнуть в койку и улететь в нирвану, а тут неожиданный звонок.

Подняв трубку, я услышал надрывный голос вахтенного матроса:

— Вадик, к тебе тут какой-то поляк прорывается, — чуть ли не кричал он в трубку, как будто держал этого поляка за шкварник. — Чё делать то? Говорит, что ты его в гости звал...

— Обожди, — прервал я его вопли, — сейчас спущусь.

У трапа стоял один из тех рыбаков, которые разговаривали с нами с борта траулера.

Чувствовалось, что визитёр уже изрядно под «мухой», но я, не обращая внимание на его состояние, чуть ли не как брата, обнял «друзбана» за плечи.

Отстранившись от визитёра и осмотрев его, заметил, что в руке, которой он не обнимал меня, у него зажат внушительный фуфыр с какой-то подозрительной прозрачной жидкостью.

Чтобы сгладить секундную заминку, я рассмеялся:

— Так мы и не познакомились тогда, — кивнув в сторону траулера, откуда пришёл визитёр и сунул ему ладонь: — Я — третий механик, Вадик, — на что визитёр, доброжелательно улыбнувшись, тоже представился:

— А я Анджей, с этого... — он попытался подобрать слова по-русски, но я опередил его:

— С траулера...

— Да-да, — закивал головой Анджей. — С траулера. Я — электришен.

— Ну, вот и отлично, — хлопнул я Анджея по плечу и предложил: — Пошли ко мне в каюту.

— А это можно? — осторожно спросил Анджей. — Я слышал, что у вас строгие законы на судне. Особенно насчёт этого, — и потряс перед собой бутылкой.

— Можно, можно, успокоил я его. Пошли.

Поднявшись с Анджеем в каюту, я предупредил его:

— Я тебя на несколько минут оставлю. Ты посиди тут один...

— Хорошо, — согласно закивал он.

Конечно, я сделал множество нарушений, приведя иностранца к себе в каюту, да ещё со спиртным и в иностранном порту. Но, чтобы как-то исправиться, сразу поднялся в каюту помполита.

Тот сидел вместе со старшим механиком, и они играли в шахматы.

— Разрешите, Владимир Иванович, — постучал я об косяк открытой двери.

— Заходи, заходи, — махнул мне рукой помполит, не отрываясь от шахматной доски. — С чем пожаловал? Что такого срочного случилось?

— Да, — замялся я, — ничего особенного, только вот... — и, сделав паузу, виновато посмотрел на помполита.

Тот, оторвавшись, от шахмат, вопросительно поднял на меня глаза.

— Что «вот»?..

— Только вот ко мне в гости электришен с польского рыбака пришёл. В каюте у меня сидит... — и, в ожидании вердикта, уставился на помполита.

— Ну сидит и пусть себе сидит, — пожал плечами помполит. — Что с того...

— Так он это... — я с трудом подбирал слова, чтобы помягче обрисовать создавшуюся ситуацию, — с пузырьём пришёл...

— С каким пузырьём? — всё никак не мог понять помполит.

— Спиртное он принёс... — уже пролепетал я.

— Н-да, — вырвалось у помполита, и он почесал затылок. — И что? Вы выпивать с ним там собрались, что ли? — уже грозно задав вопрос.

— Ага, — закивал я, — что-то вроде того...

— Да пусть посидят, да потарахтят. Чё ты в самом деле, Иваныч? — неожиданно вмешался в разговор дед. — Сам что ли никогда не пил с корефанами?

— Да пить то пил, — скривился помполит, — только вот заковыка тут одна.

— И чё? — удивлённо посмотрел на помполита дед.

— А то, что поляк это... — цыкнув языком, развёл руками помполит.

— Подумаешь? — фыркнул дед. — Так ты об этом не знал... Они же там по-русски говорить будут, а не по-польски.

— А-а, — что-то решив про себя, махнул рукой помполит, — отдыхайте, — но тут же добавил: — Только негромко...

— Понял, — согласно кивнув головой и, чтобы ничего не изменилось в течение нескольких будущих мгновений, моментально исчез из каюты.

Анджей встретил меня вопросом, потрясая бутылкой:

— Ну что? Где твои стаканы?

— Подожди, — попытался успокоить я его. — Мы ведь русские и просто так пить не можем. Нам надо обязательно закусить.

— Понял, понял, — согласился со мной Анджей и поставил бутылку на стол, а я набрал номер четвёртого механика.

— Игорёк, — я быстро начал его информировать, — тут с польского рыбака электришен с пузырьём пожаловал. Так ты давай подгребайся ко мне, только закусону прихвати побольше.

Пока мы ждали Игорька, я поставил на стол тарелки с вилками и стопки.

Тот появился минут через десять с блюдом жареной картошки, булкой хлеба и остатками бефстроганов с ужина. Сразу чувствовалось, что вахтенный механик при деле.

Разложив закуску по тарелкам, выпили по первой и замолчали.

О чём говорить — не знаю, но тут проблему с развлечением иностранного гостя разрешил Игорёк:

— Щас бандуру притащу, — пообещал он, подскочив со стула. — Отвяжемся... — и выскользнул из каюты.

На судне был кульфондовый проигрыватель. Раритет годов шестидесятых, в деревянном корпусе. Его то мы и называли бандурой. Но, насколько я знал, у нас имелась всего одна пластинка с одной единственной песней «Симона»!!!! На второй стороне пластинки, конечно, была и вторая песня, но вторую сторону пластинки кто-то когда-то давным-давно здорово поцарапал, поэтому слушать можно было только одну песню. «Симону».

Вскоре раздался стук в дверь. Стучали ногой. Я понял, что это Игорёк пытается войти в каюту с бандурой в руках.

Так оно и оказалось. За дверью находился Игорёк и держал он в распростёртых руках деревянный ящик проигрывателя.

Игорёк, как заводила всех вечеринок, установил бандуру на тумбочку, подключил в розетку и поставил на неё пластинку. Зазывно зазвучали первые аккорды песни, и Кузьмин со всей силы принялся орать:

На Рижском взморье воздух свеж,

Там бродит ветер моих надежд,
Туда спешит мой самолёт,
Там девушка Симона меня любит и ждёт.
Симона — девушка моей мечты,
Симона — королева красоты,
Вап-тап-пап-пап паду-паб-паду баду-паб та-бап-паб-паб-паду-паб
Она прекрасна, как морской рассвет,
На целом побережье лучше
Девушки нет, нет, нет...

Ну, а дальше дело пошло намного легче. Игорёк принёс из своей каюты аккордеон и начал раздувать его меха, а я от души бацал по струнам гитары, и мы вместе с Кузьминым страдали от любви к бедной и несчастной Симоне.

Вскоре за всеми этими музыкальными занятиями и сотого проигрывания и распевания во всю глотку куплета про «... девушку моей мечты...» водка в бутылке поляка закончилась, и мы неожиданно поняли, что нам чего-то не хватает...

Поняв, что старший механик на нашей стороне, я ломанулся к нему.

Дед ещё не спал, скорее всего от «концерта», который мы выдавали за переборкой.

Он с недовольной физиономией открыл дверь и рыкнул на меня:

— Чего тебе?

— Так это, Валерий Петрович, разрешите к полякам на траулер сходить, а то их элек-тришен зовёт в гости, а я и не знаю, что делать... — прикинувшись простачком, я стоял перед дедом и лупал глазами.

— Не юли... — моментально «раскусил» меня дед. — Не хватило? — и тыльной стороной ладони щёлкнул себя по горлу.

— Ага, — честно кивнул я, а что уж тут скрывать, когда у меня всё на фэйсе отобража-лось, как на экране телевизора.

— Ладно, иди к помполиту, пусть он решает, а по мне так лучше, чтобы вы свалили, всё тише на пароходе будет, — и закрыл перед моим носом дверь.

Поняв решение деда, я взбежал на палубу к помполиту и постучал в дверь, из-за которой слышалось:

— Заходи, если не враг. Открыто!

Я вошёл, а помполит, выглянув из спальни, поинтересовался:

— Что опять случилось?

— Владимир Иванович, понимаете, тут дело такое, — я с надеждой, что помполит пой-мёт создавшуюся ситуацию, проникновенно смотрел ему в глаза, — без ответного визита веж-ливости, ну просто неэтично прощаться с представителем дружеского нам государства. Разре-шите мне с четвёртым механиком произвести этот визит...

Помполит, хитро посмотрев на меня и с пониманием улыбнувшись, махнул рукой:

— Да идите, куда хотите. Достали вы меня своей Симоной, хотя пели и играли отлично, как на самом настоящем концерте.

В такой поворот дел я даже не мог поверить, поэтому осторожно, чтобы не спугнуть чувства удовлетворения, витающие над головой помполита, чуть ли не на цыпочках вышел из каюты, осторожно прикрыв за собой дверь.

Это же надо!!! Помполит отпустил нас на иностранное судно (!), в иностранном порту (!), в двенадцатом часу ночи (!!!)...

Как говорилось в те времена, с чувством глубокого удовлетворения, мы покинули борт судна и, в «слегка» приподнятом настроении, двинулись на траулер. Теперь уже в сопровождении электришена, но прихватив с собой аккордеон и гитару.

Наверное, не даром мама гоняла Игорька в музыкальную школу много лет. У него всегда отлично получалось играть и петь.

Траулер встретил нас абсолютной тишиной. Для экономии везде, где только возможно, свет был потушен.

Но электришена это не смутило, и он уверенно прошёл в кают-компанию.

Увиденное, меня уже действительно поразило. Весь комсостав находился там и с увлечением смотрел по видеку порнуху.

Наши суда видеками ещё не снабдили, поэтому мы смотрели фильмы только с помощью кинопроектора «Украина». Ох он и стрекотал! А здесь в абсолютной тишине неслись только охи, да ахи.

Но электришен без всякого стеснения включил освещение и, прервав оный процесс, извещил присутствующих:

— Ребята! У нас гости с советского судна. Желающих с ними познакомиться поближе, прошу пройти в мою каюту.

Народ моментально въехал в тему, дружно поднялся и переместился в каюту электришена.

Каютка у него оказалась маленькой и всех желающих не вместила, поэтому часть рыбаков устроилась в коридоре и под звуки аккордеона и гитары дружный хор рыбаков и моряков выводил песни, проходящие им на ум.

Пили мы и пели почти до самого утра, пока ещё затемно по траулеру не прошла команда, что судно снимается в рейс.

Вот — поляки...

(Из рассказов старшего механика)

21.04.2023 г.

Черепок

(Из воспоминаний капитана дальнего плавания о курсантской молодости)

Помнится, это произошло весной нашего предвыпускного года. Наша рота обитала на третьем этаже третьей общаги.

Длинный коридор со стенами, выкрашенными ядовито-зелёной краской, делился перегородкой на две равные половины. По другую сторону от перегородки располагался ЭМФ (короче — электрики). В по обе стороны коридора располагались двери, ведущие в кубрики, которые нам приказывалось держать всегда закрытыми. Из-за этого в коридоре всегда царил полумрак и постоянно включалось освещение.

Понедельник. Рота по команде старшины выстроена в коридоре на утреннее построение.

И вот на нашу невезуху на него пожаловал подполковник Черепок. В это время он исполнял обязанности заместителя начальника ОРСО.

Рота по команде застыла по стойке смирно. Тишина. Командир роты печатным шагом и, взяв руку под козырёк, подходит к подполковнику Черепок и докладывает:

— Товарищ подполковник! Рота для строевого смотра построена по вашему приказанию. Командир роты... — но тут его рапорт прерывается истошными криками из-за перегородки.

Не закончив рапорт, командир роты в недоумении оглядывается, но крики за перегородкой не прекращаются. Хорошо, если бы оттуда неслись только крики, но они сопровождались такими переборами ненормативной лексики, что даже, выдавшие виды пятикурсники, грохнули со смеху.

Истерический крик подполковника оборвал непроизвольную реакцию роты:

— Отставить смех!

Рота моментально притихла в ожидании дальнейших событий.

Подполковник Черепок строевым шагом проследовал к перегородке и, что есть силы, забарабанил в неё кулаком.

— Отставить выражаться! — во весь голос потребовал он.

Но звуки перепалки в прежнем темпе продолжали раздаваться со стороны ЭМФ. Слышалось, что там электромеханики уж очень сильно что-то не поделили.

Тогда подполковник Черепок с ещё большей энергией продолжил долбить в перегородку с криками:

— Я вам приказываю прекратить балаган! — и, чтобы за перегородкой его лучше поняли, также громоподобно пояснил: — Говорит подполковник Черепок!

Но, до электромехаников и такое приказание не доходило. Крики за перегородкой, украшенные ненормативной лексикой, не прекращались.

В нашей половине стояла идеальная тишина и вдруг из середины строя раздался сакральный совет:

— А ты лучше черепом постучи...

Подполковник Черепок от такого совета чуть ли не подпрыгнул на месте и со скоростью молнии проскочил на середину строя с криком:

— Кто осмелился тут шутики шутить?! Немедленно выйти из строя!!!

Но он плохо знал сплотившийся за пять лет коллектив будущих судоводителей. Строй стоял в монументальной позе, как памятник, откованный из бронзы. Ни у одного из курсантов даже бровь не шевельнулась от последовавших приказов и требований подполковника.

Истратив весь запас энергии, подполковник многозначительно пообещал, покидая ротное помещение:

— А я всё равно выявлю острослова...

Некоторое время в помещении коридора стояла тишина, которую нарушил командир роты серией дефибрилляционных энергичных выражений, завершившиеся горестным вздохом:

— Ну, ребятки, ждите... — и громко скомандовал: — Нале-е-во, — что рота с удовольствием и выполнила. — На выход ша-агом марш! — по распорядку дня пришло время выходить на завтрак, а потом и на занятия.

События последовали в ожидаемом русле.

Во вторник, среду и четверг с утра подполковник Черепок в восемь утра являлся в роту и устраивал строевой смотр и шмон по кубрикам. За малейшее нарушение виновные огребали по полной программе.

Обучение куртуазности закончилось в пятницу строевыми занятиями.

Роту после обеда выстроили перед центральным входом училища, и она строевым шагом на плацу вбивала каблуки в асфальт в течение получаса. На ступеньках стоял подполковник Черепок и огненным взором наблюдал за марширующими курсантами, давая ценные указания командиру роты. Тот их передавал старшине роты и команды следовали одна за другой.

Неожиданно на крыльцо главного входа вышел начальник ОРСО Константин Игнатьевич Пивоваров и, подождав, когда рота подойдёт к середине крыльца, высоко вверх поднял правую руку и зычно скомандовал:

— Рота, стой! На пра-а-во!

Рота застыла в ожидании продолжения экзекуции, но Константин Игнатьевич, пройдясь по крыльцу, что-то сказал командиру нашей роты и Черепку, от чего те развернулись и зашли в двери главного корпуса.

Затем Пивоваров повернулся к строю лицом и грозно спросил:

— Товарищи курсанты! — строй замер в ожидании небесного грома, но над ним пронёсся довольно-таки странный вопрос: — А вы знаете, что такое ППР?

Я так думаю, что от заданного вопроса у каждого из нас в умах пронеслись очередная, неизвестная нам система наказаний, хотя половину из нас уже обеспечили нарядами на пару недель вперёд.

Но Константин Игнатьевич не позволил лопнуть нашим мозгам от перенапряжения, разъяснив секрет вышеуказанного выражения:

— А это значит: построиться, поп@@@ть и разойтись!

Вздых облегчения прошёл над застывшим строем, и мы уже приготовились расслабиться, но наше желание вновь волевым жестом прервал начальника ОРСО.

Пивоваров резко выставил перед собой руку с раскрытой ладонью, от чего ропот в рядах курсантов прекратился, а равнение в рядах восстановилось.

Мы замерли в ожидании молний из сгустившимся за последнее время над нашей ротой чёрными облаками, из которых молнии должны пронзить наши непокорные головы. Но Пивоваров осмотрел выровнявшихся и застывших курсантов.

— Так вот что, ребята, скажу я вам, — уже другим голосом, похожим на отеческий, продолжил он: — Не гнобите Черепка, — и сделав паузу, добавил: — Он всё-таки как-никак, мой зам.

По роте прошёл вздох облегчения, что экзекуции закончились, а Константин Игнатьевич вновь жёстко скомандовал:

— Разойтись!

— Вот вы мне что ни говорите, — закончил свой рассказ Олег, внимательно осмотрев нас, — а Константин Игнатьевич был для нас по-настоящему человеком с большой буквы, и мы все курсанты того времени обязаны помнить об этом...

30.04.2023 г.

Наберлялся (Курсантские рассказы)

Примерно пятый курс. Весна. Процесс обучения на сегодня окончен, и наша группа брела из учебного корпуса неорганизованной кучкой в направлении столовой, но, перед подходом к ней, старшина дал команду:

— Группа! Равняйся! К приёму пищи морально подготовиться! Ровнее шаг! — и, возглавив строй, чуть ли не печатным шагом вышел на финишную прямую.

Группа моментально выравнивается, шаг становится чётче и таким организованным строем она подошла ко входу в столовую.

После команды старшины:

— Группа! Стой! — и курсанты застыли в нервном ожидании.

Дежурный офицер, наблюдающий за порядком у входа, увидев пятикурсников, вяло сделал разрешающий жест заводить «измученных» непосильной учёбой «дедов».

Старшина, поняв жест дежурного офицера, скомандовал:

— Группа, для приёма пищи, слева по одному, бегом марш в столовую!

От его команды, строй моментально развалился и великовозрастные оболтусы, расставив руки, как крылья самолётов и, изображая работу их моторов громогласным рычанием и завыванием, понеслись по лестницам и этажам в зал на третьем этаже.

Самые первые подбежавшие к столам, беспорядочно скидывали портфели с учебниками под них и, схватив поварёшки, отработанными за многие годы финтами, вылавливали ништяки из бачков с супом (в меру своей совести, конечно).

Забыв обо всех бедах и ненастьях, проголодавшиеся курсанты усаживались за столы и опустошали тарелки, тут же принимаясь за второе блюдо.

Вот тут действительно наступила тишина, прерываемая только звоном ложек по тарелкам. Группы сейчас сосредоточились только на содержимом тарелок, которое требовалось честно употребить. Никого уже больше ничего не интересовало. Процесс поглощения пищи пошёл.

Но тут, в числе последних, появился он — Слава Копытов.

Вальяжным шагом подойдя к своему столу, он плавно поставил изящный чёрный портфель-«дипломат» с учебниками у своего стула. Окинув томным взглядом сосредоточенных на тарелках однокашников, изящным жестом взял со стола половник, окунул его в бачок с супом и, только одному ему известным способом, сделал в нём замысловатую восьмёрку. В тарелку, неожиданно появившуюся в его руках, сцедил отфильтрованную гущу, затем пройдясь по соседним столикам, безмолвно совершил там точно такие же магические действия и, набрав полную тарелку, устроился на своём месте.

Важно, ни на кого не глядя, открыл портфель-«дипломат», достал белоснежную салфетку и заправил её в разрез фланки за тельняшку. Затем, пошарив рукой в «дипломате», достал персональную серебряную ложку (а это была семейная реликвия, доставшаяся ему от бабушки, насколько мы знали) и медленно пододвинул к себе тарелку с отфильтрованным «ништяком». Молча, невероятно отточенными движениями направил ложку в тарелку и быстро смёл её содержимое...

Проделав со вторым блюдом вышеуказанный процесс и опустошив тарелку, Слава плавным жестом отодвинул её от себя, с глубоким вздохом откинулся на спинку стула и удовлетворённо изрёк:

— Опять параша наберлялся.

Осмотрев сытым взглядом молчавших друзей, занятых вылавливанием сухофруктов из стаканов с компотом и, смачно облизав ложку, вернул её в «дипломат».

Народ на «изящные» действия Славы особого внимания не обратил, а продолжил наслаждаться компотом.

Жизнь курсантская шла своим чередом...

02.05.2023 г.

Сгущёнка (Курсантские рассказы)

— А у нас история была ... — начал очередной рассказчик.

Мы все с интересом перевели внимание с Игоря, только что рассказавшего о нюансах работы в кочегарке, на Володю.

Убедившись, что стопки поставлены на стол и внимание сосредоточено на нём, он начал свою историю.

— Как вы все знаете, — Володя окинул нас взглядом, чтобы убедиться, что все его слушают, — есть нам на первых двух курсах хотелось постоянно. Не то, чтобы есть, а просто жрать хотелось всегда. Мне тогда казалось, что я бы в то время сожрал всё, что попало бы на пути. Мамонт бы попался, то и его бы я уговорил, — его слова мы подтвердили понимающим смехом.

А кто-то даже добавил:

— Меня в то время разбуди и предложи: «Жрать хочешь», я бы тут же подскочил с койки и помчался туда, где жрать дают. Недаром первый курс у нас назывался — «Приказано выжить».

— Так вот, — Володя дождался, пока говорящий замолкнет, отпил глоток сока из высокого стакана, а может быть даже и не его, и продолжил. — Как-то раз уже на втором курсе попал я в ДП. Ну, — Володя поправился, потому что среди нас сидело несколько женщин и пояснил: — это дежурное подразделение. Основная задача в ДП — оказание помощи поварам в столовой. Конечно, к приготовлению пищи нас и на пушечный выстрел не подпускали, а то мы бы там всё сожрали, — Володя за пониманием осмотрел нас и, когда смех от его вводной поутих, продолжил: — А вот к картошке, пропущенной через картофелечистки — добро пожаловать. Она нас ждала в помещении этих самых машин и нам предстояло выковыривать из неё глазки. Задача всем понятная: чем быстрее картошка очистится, тем раньше мы пойдём спать. Поэтому филонить и сачковать никто не собирался.

Дело это происходило всегда ночью. Днём дежурный офицер курсантов из ДП задействовал на всяческих уборочных работах, а на ночь отправлял в столовую.

Но тут был свой нюанс, — Володя приподнял указательный палец и хитро осмотрел нас. — Женщины из столовой частенько нас подкармливали чем-нибудь вкусеньким. Поэтому, зная это, мы всегда ждали наступления одного момента, ибо были голодны, что мамонты в мезозойскую эру.

И вот в тот день меня, Федю Рога, Жарого, Ахмадулина и ещё четырёх «счастливиц» отправили в столовую.

Федя, как самый активный из нас и уже не раз побывавший в ДП, провёл нас в помещение, где на полу стояло шесть чанов с картошкой, которую нам предстояло обработать.

— Шас, подождите, — предупредил он нас и исчез в неизвестном направлении.

В ожидании Феди мы расселись, кто на чём смог и озирались в неказистом помещении, куда нас занесла судьба-злодейка.

Низкие серые потолки, с которых тускло светили матовые плафоны, стены с полу ободранной ядовито-зелёной краской, мокрый пол, выложенный маленькими жёлтыми и коричневыми квадратиками кафеля. В углу стояли два агрегата, предназначенных для очистки картофеля и множество разбросанных ящиков, а в середине шесть огромных чанов с картошкой.

Через некоторое время Федя появился с дородной тётенькой в когда-то белом халате и с беломориной в зубах. Вся передняя часть халата у тётеньки имела серый цвет и только внизу и на крутой спине сохранились остатки чего-то такого белого.

— Нина Васильевна, — распинаясь перед тётенькой Федя, — вот мы все уже тут собрались и ждём-с, что Вы нам тут прикажете делать.

Окинув съёжившихся при её появлении курсантов, Нина Васильевна, перекатила папироску из одного угла рта в другой и, хриплым голосом, которому любой боцман, прошедший ревушие сороковые и неистовые пятидесятые, позавидовал бы, изрекла:

— Вот это всё, — она указала внушительным, типа сардельки пальцем, на чаны с картошкой, — перечистить. Шелуху убрать, порядок навести, всё перемыть и насухо вытереть. Ящики и очистки вынести на задний двор, а чаны с очищенной картошкой отнести поварам наверх.

— Ну а как насчёт подкрепиться?.. — вежливо вклинился в речь начальницы Федя, напоминая о животрепещущем вопросе.

Нина Васильевна, окинув его взглядом с ног до головы и наоборот, отмахнулась:

— Девчонки придут и побеспокоятся о вас, — с этими словами она плавно развернулась и, как парбм из дока, выплыла из помещения.

— Так, парни, давай, приступаем, — Федя первый взял со стола один из многочисленных ножей и, усевшись на ящик, достал первую картофелину из чана.

Но, увидев наше непонимание в создавшейся ситуации, ободрил нас:

— Давай, начинайте. Чем быстрее закончим, тем быстрее похарчим. В прошлый раз девки притащили нам кастрюлю котлет и несколько булок хлеба.

Последовав примеру Федя, мы расселись вокруг баков и начали выковыривать глазки из картофелин.

Я себе даже не представлял, за сколько времени мы сможем справиться с такой массой картофеля, но работать пришлось в любом случае.

На деле работа оказалась не такой уж и трудной. Тут главное — войти в ритм.

Левой рукой выхватываешь картофелину из чана, проворачиваешь её в ладони, выскиваешь глазки, втыкаешь в них нож и слегка проворачиваешь. Глазок выпадает в ящик, стоящий у тебя между ног, а картофелина летит в свободный чан.

Тут, главное не перепутать, куда должна лететь картофелина, а куда шелуха. И, если у кого отлаженный ритм сбивался и в чан с чистым картофелем летела шелуха, то виновник сразу же награждался весомыми аргументами, — после этих слов кто-то из присутствующих за столом тут же ехидно попытался уточнить:

— И какими же?

Володя, посмотрев в сторону внимательно слушающих женщин, приклонил голову и, крутанув кистью руки, пояснил:

— Ну... — он секунду подбирал выражение, — разными, — и тут же пылко заверил нас: — Но после них нам уже абсолютно не хотелось совершать подобные ошибки.

Его изворотливость мы наградили всеобщим смехом, а Володя продолжил:

— В общем, в течение часа картошка была перечищена, порядок наведён, а Федя ускорил докладывать о нашей очередной победе.

Его что-то очень долго не было, и мы уже не на шутку разволновались, куда же это он пропал, а в воспалённом воображении даже возникали скорбные картинки, как мы с пустыми желудками ложимся спать.

Но, когда Федя в сопровождении двух молоденьких девчонок появился, то вздох изумления пронёсся в замызганном помещении.

Федя в руках держал огромную кастрюлю, которую с трудом нёс. Судя по виду Федя, кастрюлю он нёс тяжёлую, потому что плотно придерживал её у груди и лицо его от напряжения аж покраснело.

Замыкали строй симпатичные девчонки. Одна из них несла в руках четыре огромные булки хлеба, а другая в обеих руках чайники. Как потом оказалось, там оказался компот.

Мы моментально подскочили со своих мест и сунули носы в кастрюлю.

Не знаю у кого как, но её содержимое у меня вызвало восторг. Кастрюля оказалась почти до краёв наполнена сгущёнкой.

Ахмадулин рукавом смёл со стола ненужный инвентарь, а Федя водрузил на него кастрюлю. Девочки положили на стол буханки хлеба с чайниками, а так как оголодавшие курсанты на них почти никакого внимания не обратили, то пожелали приятного аппетита и исчезли.

Конечно, мы поступили нетактично, мягко говоря, — Володя окинул нас понимающим взглядом, — но мы в тот момент с собой ничего поделать не смогли, такие мы были голодные.

В руках у нас автоматически появились ножи, и мы ими принялись кромсать ломтями хлеб. Федя достал из кулька, болтавшегося у него на руке, ложки с алюминиевыми кружками и выложил их на стол.

Каждый из нас запустил ложку в кастрюлю и, подставив под неё огромный ломоть хлеба, подносил всё это богатство ко рту.

— Ребята! — Володя оглядел нас восторженным взглядом. — Я такой вкуснятины, да ещё в таком количестве никогда в жизни не ел!

Молча, как будто на каком-то состязании, мы запускали ложки в кастрюлю и поглощали её содержимое.

Когда уровень сгущёнки в кастрюле приблизился к катастрофическому минимуму, темпы по поглощению сгущёнки снизились и мы уже спокойно попивали компот, эсэссэнно, не забывая и про хлеб.

Настроение улучшилось, желающие доскребаали остатки сгущёнки со дна кастрюли и пошли мирные разговоры об окончании дежурства в ДП и каждый из нас строил планы на завтрашний день.

Неожиданно Олег Гниденко что-то охнул и схватился за живот.

— Чё ты там охаешь? — равнодушно поинтересовался Жарый.

— Что-то ребята мне хреновато, — едва шевеля побелевшими губами бормотал Олег.

— Да чё с тобой? — Федя встал и подошёл к Олегу.

— Чё то режет, как ножом вот здесь, — и Олег показал на левое подреберье и тяжело задышал. — И спина, как будто онемела. Блевать охота, спасу нет... — едва слышно выдавливал он из себя каждое слово.

— Слышь, Федя, — спросил кто-то из нас, — может сгущёнка несвежая была и у нас сейчас то же самое начнётся?

— Да брось ты, — махнул на него рукой Федя и обратился к Олегу: — Встать можешь?

— Не-а, — в бессилии покачал головой Олег.

— Так, парни, — Федя посмотрел на нас. — А ну ка подхватили Олежку и быстренько вытащили его во двор.

От произошедшего мы все находились в шоке. Хотя тоже прислушивались к себе, но слабости и тошноты никто не испытывал, поэтому дружно подскочили и, подхватив Олега за руки и за ноги, как куль, вытащили во двор.

Там усадили его на скамейку, но он не смог там долго сидеть и, откуда у него взялись силы, подскочил и начал извергать из себя во все стороны фонтаны белой пенной жидкости куда только не поворачивалась его голова.

Короче, через пару минут чёрный асфальт в районе скамейки покрылся белым слоем, как будто его покрасили отличными белилами.

— Вот где продукт пропал, — слышалось мне с жалостью от кого-то из наших.

Но Федя оказался самым наивнейшим из нас и, обозрев преображённую территорию, скомандовал:

— А ну, давай, хватаем Олежку и быстро его в санчасть!

Второй команды нам не пришлось подавать. Как раненного партизана, мы всем скопом подхватили Олега и чуть ли не бегом направились в медсанчасть. Благо до неё меньше сотни метров.

Приперев Олега к стенке, Федя принялся долбить в закрытую дверь медсанчасти. Тишина. Тогда он уже и ногами и руками продолжил тарабанить в неё. Наконец минут через пять послышалось, что в замочную скважину кто-то пытается вставить ключ и дверь медленно приоткрылась.

— Чего долбится? — недовольно раздалось из щели приоткрытой двери.

— Человеку плохо! — заорал в щель Федя.

— А чего это ему среди ночи плохо стало? — также равнодушно вопрошал голос.

— Сгущёнки поел, вот и плохо стало, — уже тише пытался объяснить Федя.

— А где он сейчас? — забеспокоился голос.

Дверь распахнулась и на пороге мы увидели медсестру, которая к нам курсантам всегда относилась лояльно. Она всегда помогала нам, с чем бы мы ни появились в санчасти.

— Да вот он, прислонютый стоит, — и Федя показал на бледного Олега.

Олег стоял ни жив ни мёртв с закрытыми глазами, прислонённый к стене. Я и Жарый придерживали его с обеих сторон, не давая упасть.

Медсестра подошла к нему, привстала на цыпочки и попыталась приоткрыть у него веки, на что тот с трудом отреагировал.

— Так, понятно, — пробормотала сестра и скомандовала: — А ну быстренько тащите его в процедурную.

Мы тут же подхватили Олега и, принеся его в процедурную, уложили там на топчане.

Медсестра строго посмотрела на нас и вновь скомандовала:

— Ты, как самый здоровый, — указала она на Федю, — останься, а вы, — кивнув в сторону носильщиков, — марш отсюда. Только мешать мне будете.

До сих пор эта картина стоит у меня перед глазами, — Володя сделал серьёзное лицо и широко открытыми глазами осмотрел нас.

— Процедурная. Растерявшийся Федя, бледный Олег на топчане и властная медсестра.

Молодец тётка. Она ввела нас в меридиан и паника, обычно возникающая в подобных ситуациях, сама собой пропала.

Я только одного не понимал, как это можно потерять сознание от таких вкусняшек. Я, например, чувствовал себя абсолютно прекрасно, как и остальные парни.

А вот только сейчас, с высоты возраста и неких знаний в биохимии, понимаю, какие же мы оказались идиотами.

Слава богу Олег отделался только мелкой неопрятностью в виде сидения на белом камне в последнем отделении коридора на этаже роты.

Володя с пониманием осмотрел нас и, отставив стакан с соком, поднял стопку:

— Давайте лучше выпьем за наше общее здоровье и, чтобы мы всегда всё делали в меру и в должном количестве.

Конечно, от такого тоста никто не смог отказаться, но кто-то из присутствующих поинтересовался:

— А Федя сейчас, где, кто знает?

— Был направлен в Сахалинское пароходство, но так как ВМП он не сдал, то его призывали в армию. Служил он там же, на Сахалине. Но самое замечательное то, что одна из тех девчонок, которая принесла нам сгущёнку, последовала за ним и работала продавцом в магазине той самой части, где служил Федя. После армии он остался в Сахалинском пароходстве, где и работал механиком, — ответил за всех наш бывший старшина. — Больше ничего не знаю о нём.

05.05.2023 г.

Завпрод (Курсантские рассказы)

— Про сгущёнку и мне бы хотелось сказать пару слов, — неожиданно оживился доселе молчавший Толик.

Все присутствующие за столом с удивлением перевели на него взгляды. Обычно Толик молчал и только слушал говорящих, осторожно попивая сок. Он и в училище отличался трезвостью, а уже приблизившись к определённомu возрасту, вообще смотрел на алкоголь презрительно.

На прошлогодней встрече он всех нас удивил своим выражением:

— Вот вы все трендите о том, что мы старые. Нет, мы не старые. Просто нам много лет, а чтобы эти года не ощущать, так не заглядывайте в паспорт, а смотрите жизни в лицо, тогда и внуки ваши будут вам завидовать.

Да, Толик своеобразный человек, многим удивлявший нас и в нашу курсантскую бытность. То он сессию заканчивал на одни пятёрки, то отхватил самую красивую девушку, на которую многие из нас имели виды, а то нашему командиру роты выдал такое, что мы думали, что всё — хана Толику. Но командир только вызвал его к себе в кабинет и о чём-то пару часов вёл с ним беседу. Обычно из его кабинета курсанты вылетали растрёпанные, красные с растопыренными четырьмя пальцами, означавшими, что взбучка закончилась четырьмя нарядами вне очереди. А тогда Толик спокойно вышел от командира роты, то аккуратно закрыл за собой дверь и, ни на кого не глядя, ушёл к себе в кубрик. Тайна осталась неразгаданной, тем более что Толику командир не объявил ни одного наряда.

Старшина, доселе воспринимаемый нами на наших посиделках, как старшина роты, разрешил:

— Давай, Толян, что ты там вспомнил.

— Да, вроде бы ничего особенного, но тоже вспомнилось про сгущёнку, — спокойно начал рассказ Толик. — Случилось это на втором курсе зимой. Определили меня тогда в ДП и послали в столовую на помощь завпроду получать и разносить продукты.

Завпродом была полная симпатичная женщина с шикарной причёской и яркими каштановыми прядями, выбивавшимися из-под огромной песцовой шапки. На плечах у неё красовалась небрежно накинутая дублёночка, а на ножках изящно смотрелись оригинальные сапожки типа «казачок».

Она изучающе окинула нас пронзительным взглядом ярко подведённых синими тенями глаз. А когда убедилась, что понурые рабы, стоящие перед нею с поникшими головами, готовы к выполнению любых её прихотей, игриво произнесла:

— За мной двигайтесь, мальчики, — и, плавно развернувшись и зазывно покачивая нехилыми бёдрами, двинулась к складу, — и Толик изобразил руками шевеление бёдер завпрода.

— Толян, — кто-то рассмеялся за столом, — так ты, я посмотрю, ценителем женских прелестей был, несмотря на голодуху...

Но Толик, не обратив внимания на ехидное замечание, также спокойно продолжил:

— Пришли мы к складу и завпрод своими пухлыми ручками, униженных золотыми колечками, покрутила ключик в амбарном замке и открыла дверь в пещеру Алладина.

Жрать хотелось по страшному, даже несмотря на то, что за обедом я захарчил чуть ли не двойную пайку.

А когда мы в составе шестерых человек появились на складе с продуктами, то у меня в животе вообще начался концерт, а слюни текли похлеще, чем у твоего бульдога, — Толик со смешком посмотрел на старшину, который действительно недавно завёл бульдога и выгуливал его по парку Минного городка.

— Но дело не в этом, — как всегда спокойно басом продолжил Толик, — а в том, что этих продуктов, которые нам предстояло перенести из склада в столовую, было немерено. Со всех сторон на меня смотрели зазывными этикетками, то тушёнка, то сгущёнка, то различные рыбные консервы, печенья и прочее и прочее, от чего у меня действительно голова пошла кругом.

А завпрод, держа перед собой тетрадку, спокойно ходила по складу и, тыча на полки изящным пальчиком, на котором громадный брюлик отражал тусклый свет по́двальных плафонов, командовала:

— Отсюда возьмите тридцать две банки тушёнки, отсюда возьмите пятнадцать банок сгущёнки, здесь снимите это ящик с макаронами, отсюда вытащите мешок с мукой, а здесь мешок с сахаром заберите и всё это укладывайте на тележку.

Потом она выбрала кого-то из нас и ушла в продовольственную камеру, откуда те вышли с отрезанными кусками масла, жира и сыра.

Из минусовой камеры парни вытащили свиные мороженные туши и несколько говяжьих ляшек.

Парни, ну и я в том числе, были постоянно чем-то задействованы, а завпрод, несмотря на свою импозантную внешность, не спускала с нас настороженных глаз.

Не знаю как, но, когда она скрылась в молочной камере, меня, как чёрт какой-то дёрнул и я, воровато оглянувшись по сторонам, сунул одну из банок сгущёнки себе в карман брюк. Но, даже несмотря на то, что мы были в шинелях, пола на ней торчала бугром, а Валерка Ковалёв прошептал:

— Ты чё делаешь, балбес? Видно же всё.

Я в растерянности от содеянного не знал, как мне дальше поступить, но Валерка протянул руку:

— Давай её сюда! — и я, непроизвольно подчинившись его приказу, вытащил банку и передал её Валерке.

Тот, жонглёрским движением перехватил её и всунул в кастрюлю, в которую только что насыпали рис.

Только он закончил эту операцию-махинацию, как из плюсовой камеры вышла завпрод и окинула нас таким взглядом, что у меня даже все внутренности похолодели. Состояние было такое, какое однажды я испытал в детстве, когда увидел кобру и та встала передо мной и смотрела на меня бусинками смертельных глаз. Вот примерно такое ощущение меня и обуряло в тот момент.

Видать вид наш выдал наши противоправные действия, но завпрод ни единым жестом и мускулом лица не показала, что она что-то заподозрила.

Она в прежнем темпе и, не меняя выражения голоса, продолжала командовать нами.

Когда весь список продуктов для выдачи из её тетради подошёл к концу, она дала нам команду тащить всё в столовую.

Я тут облегчённо вздохнул, думая, что наша операция прошла незамеченной. Но, наверное, таких пройдох, как мы, на пути этой с виду ласковой и доброй женщины, встречалось немало.

Поэтому, придя в столовую, она по списку начала передавать товар представителю в столовой.

Короче всё сошлось, кроме одной банки тушёнки и одной банки сгущёнки. Кто стырил тушёнку и когда, я не видел, а вот сгущёнка была на нашей с Валеркой совести.

Выстроив нас в шеренгу, завпрод, как заправский старшина прошлась перед нами и из её, разукрашенных бордовой помадой губ зловеще понеслось:

— Ну что, касатики? И кто же из вас совершил такую подлость? Ведь это же не будет доложено в рацион ваших же товарищей и они, точно так же, как и вы будут ходить голодными,

и никакая учёба у них в голову не полезет. И какие тогда из них получатся инженерА, если они будут голодными и у них будет на уме только тушёнку со сгущённой тырить. Вы же совершили государственное преступление. Что мне с вами делать? В ОРСО заявлять или вы сами мне сейчас эти банки выложите? — она остановилась и пытливо осмотрела нас.

Ответа на такие страсти из нашей шестёрки не последовало, а мы по-прежнему стояли истуканами, понутив головы. Тогда завпрод поняв, что к нашей совести взывать бесполезно, сама сунула руку в бак с насыпанным рисом и с торжеством Данко, вырвавшим у себя из груди сердце, вытащила из него руку с вожделенной банкой сгущёнки.

От произведённых действий завпрода, мы все онемели и стояли, словно проглотив языки, а она торжествовала:

— Ещё никто Терентьевну вокруг пальца не обводил, а вам щенкам безмозглым, тем более не удастся. Ишь, чего задумали... Сгущёнку они тырить задумали... — злорадно повторяла она.

А мы стояли перед ней виноватые и безмолвные, опасаясь даже лишний раз вздохнуть.

Ведь если завпрод обратиться в вышестоящие инстанции со случаем воровства и об этом, в лучшем случае, узнает командир роты, то это обеспечивало виновнику четыре наряда вне очереди, а если станет известно в ОРСО, то всё... Хана! В лучшем случае — это пять нарядов, а в худшем — отчисление из училища.

Такая перспектива никого не устраивала и мы, стоя с повинными головами перед завпродом, всем своим видом показывали, что виноваты по самое не балуй.

Поняв, что из нас и клещами ничего не вытянешь, она ещё немного поизгалялась в непристойных выражениях над нами и закончила изливания самым неожиданным образом:

— Знаю я, что вы жрать хотите, но извините меня, ребятки, не я вам паёк определяю. Поэтому ничего поделаться с этим не могу, — с сожалением покачав головой. — Но, чтобы вам неповадно было делать подобные пакости в следующий раз, вот вам по баночке рыбных консервов и идите с миром. Только передайте всем своим друзьям, чтобы никто больше такие шутки с Терентьевной никогда не шутил.

Она подошла к нам и вручила каждому по банке рыбных котлет.

У меня от сердца отлегло. Из училища значит не выгонят и нарядов я не огребу, а самый длинный из нас залез куда-то очень глубоко себе в штаны и, вытащив оттуда банку с тушёнкой, подошёл к Терентьевне.

— А это... — парень не знал, что сказать больше, но промямлил: — Извините меня, но так получилось...

Завпрод, криво усмехнувшись, приняла у него банку со словами:

— Ну вот и молодец. Видишь, оказывается ты и не такой уж плохой мальчик, как я вам только что тут изобразила. А сейчас идите, — и, махнув на нас рукой, погрозила пальцем: — Но попомните мои слова...

— Да уж, помню я Терентьевну, — пробормотал старшина. — Тётка та ещё была. На складе всегда порядок и поварам не давала тащить с камбуза...

07.05.2023 г.

Костомаха (Курсантские рассказы)

— Да, что жрать хотелось в те годы, так это точно, — улыбаясь со своего места, вставил Валера. — Мне так припоминается один случай. — Он осмотрел однокашников, собравшихся в день ежегодной встречи и мирно сидевших за столом.

— На первом курсе до нас дошло известие, что в столовой повара на ночь оставляют варить кости в огромных чанах. Кости там на малом огне бурлят всю ночь и на утро получается приличный бульон, из которого нам готовят первые блюда.

Прознав про это, у нас возникло непреодолимое желание отведать мяса с этих костей. Решение о дегустации возникло само собой, и мы непроизвольно пришли к выводу, что это надо срочно сделать. Поэтому ближайшим вечером перед ужином мы с Витей Бойко, Мишкой Коваленко и Геной Лунёвым провели разведку.

Нас в тот день поставили в наряд и в наши обязанности входило накрывать столы для всей роты, поэтому нам разрешалось заходить за кастрюлями и прочим шанцевым инструментом на камбуз. Это являлось единственным поводом проникнуть в святая-святых — к плитам, где стояли чаны с приготовленным борщом и прочими делами. Идти туда скопом опасно, по причине обнаружения злого умысла сожрать что-либо, поэтому Витя выдвинул меня передовым разведчиком.

— Ты у нас самый худой, тебе идти, — решил почему-то он, но пояснил. — Тётки на тебя на такого маленького и хлипенького внимания не обратят, а если и обратят, то может, что и пожрать дадут. Поэтому иди и разведай, как нам проникнуть к этим чанам с варевом.

И я, следуя указаниям старших товарищей, приступил к выполнению роли первопроходца.

В самом варочном помещении, или как там оно называется, — Валера осмотрел нас, обратясь за помощью в нахождении верного слова, но кто-то нетерпеливо махнул ему рукой:

— Давай дальше, не тяни... — и Валера продолжил.

— Ну, в общем, туда, где на плитах стояли сами кастрюли с приготовленной едой, нас тётки не допускали. А если и допускали, то только, чтобы перенести кастрюли с места на место или оказать им какую-нибудь помощь.

Ну а мне поставили задачу разузнать, где и как стоят чаны с варевом и как добраться до этих самых сваренных костей.

С озабоченным видом я прошёл к плитам, убедился, что кастрюли выставлены на них и разведал пути эвакуации в случае обнаружения нашего присутствия на самой кухне.

Само варочное имело два входа. Один шёл в зал раздачи готовой пищи, а второй для приноса продуктов. Но был и третий путь, о котором персонал кухни и не догадывался. Этот путь шёл через форточки.

Варочное помещение находилось на первом этаже, поэтому повара в течение рабочего дня держали на окнах форточки открытыми. Я так прикинул, что все там тётеньки дородные и им постоянно при приготовлении пищи становилось жарко, поэтому форточки в течение дня они держали открытыми, но на ночь их закрывали.

Я подошёл к одному окну и проверил защёлку на форточке. Она выглядела расхлябанной и легко вращалась. Я моментально сообразил, что если защёлка и будет закрытой, то при надавливании на неё, она легко поддастся и форточка откроется. Для надёжности я ложкой, прихваченной с собой, поддел петельку на защёлке и хлипкие шурупчики легко выскочили из трухлявого дерева фрамуги. Но я их тут же вставил на место и запомнил, на каком окне совершена диверсия.

Кто-то из персонала меня окликнул:

— А ты чего это там возле окон делаешь?

От такого окрика сердце у меня чуть ли не в пятках оказалось, а я от страха чуть в штаны не наложил.

За столом пронёсся смех, а кто-то из однокашников ехидно заметил:

— Ну и диверсант... — Но Валерка, не обращая внимание на замечание, увлечённо продолжил: — Обернувшись на окрик, я невразумительно пробормотал:

— Да жарко тут у вас. Смотрите, как на улице солнце палит, вот и решил окошко открыть, чтобы вам легче работалось.

— Ты смотри на него, какой он тут заботливый выискался. Ну, что открыл — так это молодец, а сейчас давай, выметайся отседова, а то не дай, не приведи, кто из начальства пожалует, так потом разговоров не оберёшься, что курсанты тут беспризорные ошиваются, — распорядилась самая упитанная из женщин, по виду — главная повариха.

Подчинившись её желанию, меня, как волной смыло. А сердце от волнения чуть ли не из глотки выскакивало, так оно там от страха трепыхалось. Даже сейчас, когда стенокардия бабахает, оно так не трепыхается, — с улыбкой добавил Валерка.

— Ты там давай не отвлекайся, продолжай, мы тут такое трепыхание каждый день ощущаем, — поторопил кто-то Валерку.

— Выскочил я, как ошпаренный, с этого камбуза и к ребятам. Витя меня тут же принялся допытывать:

— Ну что? Ну, как там? Давай, рассказывай...

— А чё тут рассказывать, — уже облегчённо вздохнул я. — Короче, слушайте, — с видом деловара принялся я им рассказывать: — Зашёлку на форточке подорвал и если на неё надавить снаружи, то форточка легко откроется. Форточка нормальная, вот такая, — показал я руками. — Я легко в неё пролезу и решётки на окнах её не перегораживают.

— Ну, если пролезешь, то флаг тебе в руки, — уверенно решил Витя, — сам туда и полезешь.

— А чё? Я ничё. Я запросто, — и пояснил: — Там тётки уже кастрюли загрузили костями, и они там стоят и потихоньку варятся, — судя по тому с каким чувством я это поведал, у друзей моих слюнки сразу же потекли от предвкушения вечерней трапезы.

С нетерпением дождавшись вечера, мы втихаря, покинули роту чуть ли не перед самой проверкой и направились к столовой.

Ночь оказалась на редкость тёмной, было поздно и на пути нам никто не попался.

Добравшись до вожаемого окна, мы передохнули, а Витя надавил на форточку рукой. Не за стекло, чтобы оно не выдавилось, а за рамку, — и хитро посмотрев на присутствующих, Валера пояснил: — Об отпечатках пальцев и прочих ДНК мы тогда ещё ничего не знали и даже не предполагали, что такие вообще существуют. Нам просто хотелось жрать. Хлеб с ужина мы уже принесли в кубрик, но просто так его есть не стали, дожидаясь ночного пира.

Форточка без скрипа отошла и путь к вожаемым кастрюлям с варевом был открыт.

Я первым юркнул в форточку, за мной просочился и Генка. Я подал ему руку, чтобы он слез с подоконника, и мы осторожно на цыпочках, чтобы не нашуметь, прокрались к плитам.

В помещении темно, но от света уличных фонарей во дворе плиты с кастрюлями, шкафы и разделочные столы легко различались.

Приоткрыв одну из кастрюль, я разглядел в ней слегка булькающий бульон и желанные кости, которые нам предстояло вытащить.

Для переноски добытого пропитания мы ещё в роте приготовили резиновую бадейку, которую тщательно отмывали от посторонних запахов. Хотя запах резины из неё всё равно шёл. Но в нашем оголодавшем положении это уже не имело значения.

А вот как вылавливать кости из кипятка, об этом мы как-то не подумали, но Генка тут же прошвырнулся по помещению и вернулся с огромной поварёшкой.

Дело пошло. Осторожно, чтобы не шуметь, с кастрюли сняли крышку и в ней сделали отработанный зигзаг удачи. В поварёшке оказалась огромная костомаха, и ей тут же определили место в бадейке.

Я захотел сделать ещё одну попытку траления, но Генка громким шёпотом остановил меня:

— Хватит одной. Заметно будет. Давай в другой кастрюле попробуем.

— Ага, — согласно кивнул я и перешёл к цели номер два.

Протралив все кастрюли и достав из каждой по приличной костомахе, мы так же осторожно, пытаясь не шуметь, перешли к окну и передали бадейку с выловленными яствами ожидавших нас снаружи Вите и Мишке.

Путь назад оказался намного короче, потому что мы, как самые настоящие разведчики, низко пригнувшись к земле, бегом преодолели расстояние до общаги.

Ну, а в кубрике нас уже ждал оголодавший контингент.

Кости вывалили на стол и, несмотря на то что они ещё горячие, их раздербанили в один момент.

Наевшись, мы со смехом вспоминали о произошедшем приключении, но следы его требовалось замести, а то старшина перед отбоем обязательно проверит кубрик и за беспорядок влепит каждому по наряду.

Стол отмыли, кости собрали и вынесены в мусорные баки, находившиеся недалеко от нашей общаги.

Когда следы путешествия замели и везде навели идеальный порядок, то уже можно было, не опасаясь гнева старшины, идти на вечернюю поверку.

Мы ещё несколько раз совершали подобные вылазки, но когда услышали, что тётки на камбузе рьяно обсуждали качество бульона, то прекратили эти набег.

Лучше учиться голодным, чем оказаться сытым, но выпертым из училища, — закончил свой рассказ Валера, сопровождаемый одобрителем смехом.

06.05.2023 г.

Частик (Курсантские рассказы)

— А вот представьте себе!.. — громко перебил говорящего Слава Малюков и все перевели на него взгляды.

В курсантские годы Славик был красивённым, обаятельным юношей. Это так, с виду. Но ловеласом он слыл ещё тем! Сколько девчонок бегало за ним... Иной раз дневальному на тумбочке у входа в роту строжайшим образом приказывалось:

— Славика в роте нет, а если не будут верить, то сказать, что он в библиотеке.

Девчонки верили и уходили, но самые упорные тревожили дневального не единожды и организовывали вахту у входа в общагу. Так что друзья Славика даже иногда приносили ему пропитание из столовой в виде сухого пайка.

Хотя Славик и сейчас в своинадцать выглядел респектабельным мужчиной, но от бурной молодости на его лице никаких следов не осталось.

Когда Славик изъявил желание поделиться воспоминаниями, то мы все замолчали в ожидании очередной любовной истории.

Но, на этот раз ошиблись.

Подождав, чтобы все замолчали, Славик откашлялся и начал:

— Наверное, мне, как самому невезучему человеку, один раз невероятно повезло, — такое начало рассказа мы встретили общим смехом.

— В Новогодний наряд на третьем курсе по стечению обстоятельств выбрали именно меня, — Славик не обратил внимания на смех и только слегка повысил голос, чтобы мы его лучше слышали, — и к тому же, определили меня в ДП.

После завершения работ в АХЧ нас отправили в столовую и приказали найти завпрода.

Кто же из нас не знал эту импозантную женщину? — Славик вопросительно осмотрел притихших однокашников. — Наверное все знали, — решил он после секундного молчания. Так вот, увидев нас, она как разорётся:

— Где вы шляетесь? Новый год приближается, мне уже давно надо дома ужин готовить, а я ещё выдачу не сделала? А ну, быстро все за мной! — и, притихшим стадом, мы двинулись за ней следом.

Придя на склад, она указала на стопку ящиков с красочными этикетками, что там находятся рыбные консервы. Определялось это легко по прилепленным этикеткам со странным названием: «Частик мелкий в томатном соусе».

Нам дальневосточникам, больше привыкших к лососёвым рыбам или сайре, какой-то частик вообще неизвестен, поэтому внимания на этикетки и на содержимое ящиков мы особого внимания не обратили.

Чувствовалось, что завпрод настроена решительно, что определялось из выражений по поводу нашего опоздания и нерасторопности. На них она не скупилась. Красноречиво выразив свою возмущённость, она скомандовала:

— Быстро, схватили ящики и на второй и третий этаж отнесли, — тут же строго предупредив: — Только не вздумайте, что-нибудь слямзить. Я всё проверю.

Что завпрод проверит, мы не сомневались. Эту её особенность мы чётко усвоили из многочисленных рассказов потерпевших... — Славик с пониманием вновь осмотрел нас, на что за столом раздался понимающий смех.

— Сказано — сделано. Ящики вытащили со склада и доставили по назначению. Но повара этого оказалось мало, и они приказали нам вскрывать банки.

Представляете себе! — хмыкнул Славик. — Вскрыть все банки! Это можно опупеть, чтобы их все вскрыть. Представляете! Рота примерно сто человек. Каждому надо выдать по

банке. Это на один курс — 400 банок. А на пять курсов? Но повара, заметив нашу нерешительность, мягко выражаясь, пожалели нас.

Короче, они решили, выставить необходимое количество ящиков перед каждой ротой и положить рядом с ними несколько открывашек. Кому сколько надо будет, то тот столько и откроет. А тем более, что тридцать первого декабря почти все роты распустили по домам. Остались только те, кто не имел пристанища во Владивостоке.

После окончания ужина повара приказали нетронутые ящики занести к ним в кладовки, а банки с пустыми ящиками вынести во двор на помойку.

Но, сами понимаете, что такого святотатства, как разбазаривание такого ценного имущества, как консервы, мы допустить не могли.

Поэтому, под шумок энное количество полных ящиков перемешали вместе с использованными и вынесли из столовой в район помойки.

Ну, а там уже дело техники перетранспортировать их в роту. Не пропадать же добру!

Во, где пошла обжираловка. Особенно на Новый год!

В тот день мы всем нарядом скинулись, набрали пойла и под новогодние куранты встретили Новый год. Закусой, как вы сами понимаете, оказался этот добытый самым честным трудом частик.

В нашем кубрике нижнюю часть рундуков заполнили частиком, а что не влезло, то перетащили в баталерку.

Настали у нас сытые времена. Поначалу было так замечательно вскрыть баночку и навернуть ей с хлебушком, — при этих словах Славик даже закатил глаза, изображая удовольствие, получаемое им при вкушении этого деликатеса. — Тем более, если под закусь, то частик всегда под рукой.

Но так долго продолжаться не могло. Недельки через две я в полной мере ощутил на себе значение выражения «на дух не переносить».

От одного взгляда на этот частик меня начинало чуть ли не выворачивать. Я до сих пор помню вкус, а особенно запах этого нашего новогоднего угощения, — грустно закончил Славик свой рассказ. — Честно говорю, что до сих пор как вспомню его, так вздрогну. И даже если налоговая будет требовать его попробовать, ни в жисть она меня не заставит это сделать.

На его замечание мы все тут же расхохотались, а Витя Рогов подошёл к Славику с вилкой, на которую нанизал аппетитный тоненький кусочек чавычи и заботливо поинтересовался:

— А такое тебе можно?

— А такое можно и даже с превеликим удовольствием, — уверенно подтвердил Славик, наливая себе стопку.

08.05.2023 г.

Наряд (Курсантские рассказы)

Во время очередной встречи выпускников «морские волки» расслабились, употребили по надцать граммuleк на каждый зуб и кое-кого потянуло вспомнить про былые курсантские годы.

Чем больше историй о беззаботной курсантской молодости рассказывалось, тем ближе им становились те времена, когда они совершали необдуманные поступки, которые и сейчас вспоминаются порой со смехом, а иногда бывает и стыдно за них.

Неожиданно Славу перебил молчащий до этого Юра Кравцов.

— Так это тебе не одному «повезло» в Новый год в наряде торчать. Меня на пятом курсе тоже припахали на это дело.

Что на меня взъелся старшина? Понятия не имею, но итог оказался один — новогодний наряд.

Я от этого особо не расстроился. Балбес был, несмотря на то что уже за двадцать перевалило. Родители очень хотели, чтобы я Новый год провёл дома, но мне сидеть с ними и пялиться в телек всю ночь уж очень не хотелось. А когда они узнала, что я назначен в новогодний наряд, то маманя чуть ли не к командиру роты побежала. Еле уговорил её, чтобы она не делала этого.

Юра обвёл нас печальным взглядом и с горечью продолжил:

— Сейчас, когда их нет рядом и я с вершины своего возраста понимаю, кем они для меня были, я бы сделал всё, чтобы тот вечер провести вместе с ними, ан нет... — горестно вздохнул он. — Теперь это уже невозможно. Теперь только камень в душе будет об этом напоминать, — он даже в сердцах ударил себя кулаком по груди.

В те годы мы знали, что у Юры отец какая-то «шишка» в крайкоме партии и он очень близок к верхам, поэтому как-то с недоверием слушали его рассказ. Неужели он нашего старшину, добропорядочного, мягкого человека Витю Щитаева мог довести до такого белого каления, что тот его засунул в новогодний наряд, куда назначались только самые «злыдни» и нарушители?

Но Юра настолько сосредоточился на своих воспоминаниях, что на наше всеобщее молчание за столом не обратили внимания и продолжил:

— Короче, тридцать первое декабря. Мы все поглаженные и начищенные до блеска стоим в главном корпусе на разводе. Заступающий на дежурство капитан третьего ранга Безуглов обходит строй и торжественно объявляет:

— Товарищи курсанты! Если в течение ночи я увижу, что кто-то отлынивает от наряда или отсутствует на посту, а, тем более, обнаружится с запахом, — Безуглов сделал многозначительную паузу, подозрительно осмотрев притихший строй, — то я с ним рассуждать не буду. Я его за шкварник схвачу, — Безуглов для наглядности сжав кулак, показал, как он это сделает, — и в залив окуну, а потом пусть разбираются откуда у нарушителя насморк.

Перспектива, расписанная нам в красках, выглядела далеко не радужной. Только как это дежурный офицер сделает с тем, кого нет на посту и окунёт этого отсутствующего в залив, покрытый полутораметровым льдом, когда на улице задувает северный ветерок метров двадцать в секунду и температура воздуха подбирается к минус двадцати, в нашем сознании не укладывалось.

Но дальнейших разъяснений не последовало. Хотя нам и так стало страшно от таких откровенных обещаний, поэтому мы поклялись себе в душе подобных нарушений не совершать.

После ещё нескольких последующих устрашающих сентенций, развод закончился и Новогодний наряд собрался вернулся в роту, чтобы сидел в ней тише воды и ниже травы, исполняя обязанности вахтенных, оберегающих покой пустых коридоров.

Но вернуться в роту в данный момент оказалось очень проблематично.

Только я завернул в арку за главным корпусом, как меня встречным потоком ветра как подхватит, да как понесёт в неизвестном направлении, поэтому я вместо того, чтобы спуститься к нашей третьей общаге, чуть ли не улетел в новый корпус.

Но позже, приняв позу атакующего буйвола на корриде и пригнувшись чуть ли не параллельно земле, я всё-таки преодолел расстояние до общаги.

Приложив невероятные усилия, приоткрыл дверь и порывом ветра меня занесло до второго этажа, а с треском захлопнувшаяся за спиной дверь, снизила мой слух чуть ли не на половину.

Зато в роте стояла тишина. Народ уже рассосался, кто куда. Женатики к жёнам, местная пацанва по домам или друзьям, ну а невезунчикам, типа меня, предстояло куковать новогоднюю ночь в наряде.

Мой кубрик выходил окнами на залив. И, несмотря на законопаченные окна и проклеенные щели в них, температура в кубрике составляла не больше десяти градусов, а то и меньше. Ночами приходилось спать под двумя одеялами, да ещё и шинелью укрываться.

Короче, на душе было тоскливо и пакостно. А тут ещё требовалось идти ужин накрывать. Кому он нафиг нужен тот ужин, я не понимал, но идти надо. Таковы правила.

Дежурный по роте вытащил нас из щелей, куда мы позабывались от грусти и холода и, сколотив из нас когорту, двинулся в столовую.

Конечно, мы ребята сообразительные и в преддверии Нового года заранее обговорили процесс его встречи, поэтому первым делом посетили гастронорм на Авраменко, в это вечернее время исправно работающий.

«Коленвал» там имелся в необходимом ассортименте и, затарившись, мы приступили к прямым обязанностям по накрытию столов.

Народу на новогодний ужин пришло мало, поэтому в роту возвращались под жвак затаренные. Не оставлять же тёткам на камбузе такое богатство, как сахар, масло и хлеб.

Ромка Круглов каким-то образом ухитрился добыть чуть ли не полную кастрюлю котлет. Таким образом к новогоднему банкету наш новогодний наряд полностью подготовился.

Славик Карпов жил в кубрике на южной стороне, поэтому мы всё добытое жорево притащили к нему. Его соседи по кубрику на новогодние праздники разъехались, и он один блаженствовал в тепле.

В отличие от северной стороны, где находился мой кубрик, у Славика можно было даже открыть форточку, чтобы запустить порцию свежего морозного воздуха, а из окна лениво наблюдать, как неистовая позёмка вьёт свои вихри по склонам между общагами, а несчастные курсанты, кутаясь во что можно, пролетают, что птицы до первого укрытия.

Ромка заступал в наряд у тумбочки в десять вечера, я — с двух ночи до шести утра, а Славик вообще в наряде не стоял. Сам он родом с Камчатки, поэтому из-за своей природной скромности все праздники проводил в роте. На подвиги, в отличии от нас, его не тянуло и нарядов вне очереди он не огребал. Учился он, как все, но никогда не отказывал в помощи друзьям.

Придя в роту и устроившись у Славика в кубаре, Ромка посочувствовал мне:

— Да, Юрка, не повезло тебе. Видать большой мозоль ты отдал старшине. Придётся тебе всю ночь у тумбочки куковать. А я вот отстою до двух и свалю к своей Валюхе.

— Как свалишь? — удивился я. — А если Безуглов придёт проверять?

Но что Ромка только усмехнулся, посмотрев на меня, как на идиота:

— Чтобы Безуглов, да проверять? Не смей ты мои первые седины. Да он и носу не высунет из дежурки в такой ветруган. Помдежа пошлёт для блезиру. Но помдеж же наш человек! Забыл, что ли? Славка Черенцов помдежем сегодня. Первокурсников он проверит обязательно, на худой случай по вторым курсам прошвырнётся, а к нам чего ему переться? Свои же ведь. Зачем статистику портить, да друзьям подянки делать? Отметочку сделает, что проверил, а Безуглов её и подмахнёт. Расслабься. Давай ка лучше бабахнем, да потрендим. Ведь когда ещё на Новый год вместе посидим?

Сидели мы в тепле у Славика в кубрике, потихоньку расплёскивая «коленвальчик» по стаканчикам и в промежутках между употреблением, выходили в ленкомнату, где, завернувшись в шинели, глазели в телек.

В одно из возвращений в кубрик за подкреплением я попытался разузнать у Ромки, где живёт его Валюха, которой он так откровенно восторгался.

А Ромка и не скрывал этого:

— Знаешь гастроном на Авраменко? — начал он просвещать меня.

— А кто ж его не знает? — я в изумлении пожал плечами и кивнул на стол: — Ведь только сегодня там «коленвальчик» приобретали.

— А, ну да, — согласно кивнул Ромка. — Так вот слушай. В крайнем подъезде на третьем этаже там и тусуют они сегодня. Валюха с сестрой трёх подружек позвали и пару студентов из Универа. Штрихи её куда-то свалили. Так что там сегодня огонь будет. Я отстою до двух и к ним ломанусь, — от предстоящей встречи у Ромки даже затуманился взгляд.

Но тут неожиданно кардинальное предложение внёс Славик.

— Слышь, Рома, а что, если мы с Юркой, пока ты тут у тумбочки трёшься, часть огня примем на себя?

— Как это? — не понял его Рома.

— Да элементарно, — рассмеялся Славик. — Придём мы туда с Юркой, скажем, что мы твои корефаны и отвяжемся, а потом и ты подкатишь. Как ты к такому предложению отнесёшься?

Рома почесал в затылке, опрокинул пять капель из гранённого стакана и решительно махнул рукой:

— А давай! — но тут же с серьёзным видом добавил, погрозив нам пальцем: — Но, чтобы до моей Валюхи ни-ни...

— А как мы определим, что это именно твоя Валюха, а не какая-нибудь другая? — с ехидной усмешкой встрял я.

— А как? Да никак! Она там самая красивая и самая лучшая, — уверенно заявил он. — Она у меня знаешь какая? — он жёстко уставился в наши физиономии. — Она у меня — во какая! — И руками изобразил обводы своей Валюхи.

Вообще-то от такого жеста, которым Рома обрисовал свою знакомую, я крайне удивился. Если применить его к тётечкам из нашей столовой, то они бы смотрелись абсолютными Дюймовочками, по сравнению с тем, что изобразил Рома.

Но Славик с Ромой сразу же согласился.

— К такой, — и он повторил изображённые Ромой контуры, — конториться не будем. Честно тебе обещаю.

— Добро, — удовлетворённо хмыкнул Рома и начал собираться на пост к тумбочке.

Мы же со Славиком, прихватив один из оставшихся пузырьков и, потеплее закутавшись, покинули общагу.

Новогодняя ночь встретила нас неласково. Снежные иглы вонзались в лицо, пронизывающий ветер завывал в ушах и старался проникнуть в любую складку одежды, но тогда мы были бы не мы, озадаченные поставленной целью курсанты ДВВИМУ.

Преодолев первые десятки метров снежной круговерти, мы рысью пробежали до пожарки и под прикрытием общаг «середянки» уже спокойно добрались до пункта назначения.

Здесь, как около нашей общаги, так сильно не задувало и, отряхнувшись от снежной пыли, поднялись на третий этаж.

Узнать, где идёт активная встреча Нового года, проблем не составило. На площадке стояли два гражданских парня, а из квартиры, предполагаемо ими покинутую, неслись громоподобные звуки магнитофона.

— Здорово, парни, — поприветствовали мы курильщиков, на что те что-то невразумительное пробурчали в ответ.

Осмелевший Славик остановился возле них и поинтересовался:

— Вы с Валюхиной квартира что ли?

— Ага, — кивнул один из курильщиков, окутываясь густым облаком дыма.

Ни я, ни Славка не курили, поэтому помахав руками и развеяв дымовую завесу, Славик уже нагло уставился на самого длинного:

— Я кажется, что-то спросил? — в голосе Славика прозвучало столько вызова, что курильщики тут же интенсивно закивали:

— Да-да, — по их реакции сразу стало понятно, что конфликтовать они не намерены.

— И где она? — не меняя тона продолжал Славка.

— Вона она, — гражданские одновременно указали на дверь, с заливающимся магнитофоном.

— А — а, — довольно протянул Славка и, дёрнув за ручку двери музыкальной квартиры, вошёл в неё.

Я последовал за ним.

В узеньком коридорчике, как и во всех «хрущёвках» трудно развернуться, поэтому Славка не стал в нём задерживаться и прошёл в комнату.

Остановившись на пороге, он во всю глотку заорал:

— Гостей принимаете?

Кто-то сразу прикрутил музыку до минимума и к нам подошла симпатичная девчонка.

— А вы кто такие будете? — она с вызовом осмотрела нас. — По-моему я лично вас в гости не звала, — девчонка чувствовала себя хозяйкой в доме и вела себя независимо.

— Правильно, — веско заключил Славик, — не звала. Вы ведь Валентина? — Славик указал на девчонку пальцем.

— Да... — растерянно подтвердила она, не понимая, что от неё хочет пара бравых курсантов.

— Вот! — радостно заключил Славка. — Вы то нам и нужны!

С этими словами он вытащил из недр шинели бутылку шампанского. Такой жест меня не то, что удивил, он меня сразил наповал.

Мы понимаешь ли тут на несчастный «Коленвал» копейки шкуляем, а он, видите ли, шампанским разбрасывается. И не просто шампанским, а «Советским шампанским», полусладким. Одного я не мог понять, как и когда Славик успел засунуть в шинель эту бутылку. Ведь в роте всё происходило у меня на глазах.

— Правильно нам описал Вас Ваш друг Роман. Он сейчас в наряде и, чтобы вы здесь здорово не скучали, послал нас к вам с этим подарком! Так что примите его и давайте с честью

проводим Старый год! — с этими словами он вручил бутылку девчонке, встретившей нас и ничего общего с объёмами, обрисованные Славиком, не имевшую.

Откуда взялось у этого Славика столько красноречия и шарма? Я даже представить себе не мог. Вот что делает с людьми боготворительная сила определённого напитка! А некоторые всегда в этом сомневались, — его слова вызвали всеобщий смех за столом, а Юра понимающе улыбнулся и продолжил рассказ:

— От слов Славика девчонки радостно завизжали, Валентина забрала у него бутылку и предложила:

— А вы раздевайтесь и проходите, — уже гостеприимно предложила она, показав рукой в комнату, где за столом сидело ещё несколько девчонок.

Все они по случаю Нового года сидели принаряженные и возбужденные от музыки и вина, ополовиненные бутылки которого, стояли на столе.

Мне ничего не оставалось делать, как достать бутылку приготовленного «Коленвала» и с такой же торжественностью объявить:

— А мужскому персоналу предоставляется следующий подарок, — с этими словами, я прошёл к столу и водрузил на его середине животворящее зелье.

Девчонки вторично завизжали, но уже не так пронзительно, как при виде шампанского.

Тут всё закрутилось и завертелось.

С площадки вернулись парни, мы с ними познакомились, уселись за стол и под команды Славика и Валентины подняли и бокалы, и стаканы за ушедший старый год.

Мы то со Славиком находились уже на кочерге, поэтому возлияние по поводу ушедшего года оказалось для меня тяжеловатым и я, осев около какой-то девицы, принялся умничать перед ней своими достижениям в учёбе, спорте и общественно-политической жизни училища. Лычек то на рукаве у меня пять штук, и я мог чем похвастаться, — слова Юры вновь вызвали всеобщий смех, а кто-то даже съязвил:

— И за это ты угодил в новогодний наряд.

Но Юру оказалось трудно сбить с намеченной цели завершить свой рассказ, поэтому он так же бесстрастно, но доходчиво, продолжил:

— Девчонка, рядом с которой я плюхнулся на диван или сама оказалась уколотой, или сделала вид, что опьянела, но позволила вывести себя в коридор и мы с ней там страстно целовались, прислонившись к пальто, вывешенных на вешалке.

Краем мозга я понимал, что с такими темпами увлечения девчонкой можно зарулить по не намеченному маршруту и постоянно поглядывал на часы. Я хотел чётко знать, сколько осталось времени до моего заступления в наряд.

Но девчонка поняла это совсем по-другому. Ей взбренило, что я жду наступления Нового года и после одного из знойных поцелуев, переведя дыхание, она, как бы невзначай, поинтересовалась:

— Ты что, хочешь встретить Новый год вместе со мной?

— Ага, — непроизвольно кивнул я в ответ.

Девчонка, ох, если бы я ещё помнил, как её зовут, тут же упорхнула в комнату со словами:

— Подожди, я сейчас шампанского принесу.

А я, как самый паршивый изменник, воспользовавшись её отсутствием, схватил свою шинель с вешалки и пулей вылетел на улицу.

Меня волновало только одно — это то, что я сейчас нахожусь в самоволке и, если дежурный офицер придёт с проверкой наряда, то меня вычислят и неприятностей я отхвачу выше крыши.

И, уже не обращая внимание на пронзительный и колючий ветер, рванул к нашей общаге.

Взбежав на этаж и открыв дверь в роту, обнаружил торчащим напротив ленинской комнаты одинокого Рому, зябко кутавшегося в шинель.

Увидев меня, он неподдельно удивился:

— Ты чё это припёрся? Или что случилось?

— Проверки не было? — выпалил я, стараясь выровнять дыхание и не заметив его вопроса.

— Какая проверка? Ты чё? Вообще, что ли... — и покрутил пальцем у виска. — Я же тебе всё объяснил. Ты чё, не въехал, что ли?

С невероятным облегчением я выдохнул из себя весь пар переживаний и уселся на один из стульев напротив телевизора.

Показывали «Голубой огонёк». Я даже удивился. Ведь он же начинается только после Новогодних курантов... Это значит, что с этой девчонкой я так увлёкся, что пропустил такой знаменательный момент, как бой курантов в новогоднюю ночь.

Рома нарезал вокруг меня круги с желанием выпросить о проведённом времени в квартире Валюхи. Увидев его нетерпение и любопытство, я успокоил его:

— Валентина в норме, Славик тоже. Все ждут только тебя.

— Так ещё полтора часа до сдачи вахты, — Рома с глубоким разочарованием посмотрел на часы.

— Да брось ты, — махнул я рукой. — Давай, собирайся и дуй к своей Валентине.

— Ты чё? Серьёзно, что ли? — не мог поверить моим словам Рома.

— Нет, я шутить буду, — развеял я его сомнения. — Потом когда-нибудь половинку отдашь, — уже пошутил и добавил. — Валентина только и бегаёт там, да тебя высматривает в окошко.

Этого предложения оказалось достаточно, чтобы Рома скинул с рукава повязку дневального и через пару минут от него только завихрения ветра гуляли по роте.

Визуально проследив за завихрениями, оставшимися за Ромой, я выдвинул стул из ленинской комнаты в коридор, чтобы наблюдать за входной дверью в роту и тупо уставился в телек.

Таких долдонов, как я, в леномнате оставалось с десяток. Но вскоре и они рассосались. Оставшись в гордом одиночестве, я бесцельно бродил по коридору.

От входных дверей до ленокмнаты и обратно. Совершив несколько десятков таких вояжей, я неожиданно вспомнил, как на новогоднем вечере в училище познакомился с очень симпатичной девчонкой. Она действительно мне понравилась. Я даже проводил её тогда на Чуркин до улицы Связи, где она жила у каких-то своих знакомых.

Путь, конечно, неблизкий, но девчонка оказалась весёлой и уж очень разговорчивой. С ней, во всяком случае, я в тот вечер не скучал. Она даже написала мне на бумажке свой адрес и с надеждой намекнула, что если я смогу, то она была бы не против встретиться.

Какая муха меня укусила, я до сих пор не знаю, но я плюнул на эту вахту, на эту осточертевшую тумбочку, пустой коридор и последствия, которые могут за этим последовать и решил навестить эту Галю.

Найдя её адрес в своей записной книжке, выскочил из роты.

— А ты эту книжечку жене показывал? — съязвил кто-то из слушателей.

— Когда я женился, той книжки уже и в помине не было, — по инерции пояснил Юра и обиженно посмотрел на остролова. — Так вы слушать будете?

— Давай, давай, продолжай, — во весь голос потребовали мы. — Чё там за Галя какая-то у тебя там появилась?

Получив всеобщее ободрение, Юра продолжил:

— Ну, так слушайте. Ветерок о себе дал знать моментально, но он в этом случае дул мне в спину и через пару минут доставил к дверям главного корпуса.

Там между двойными дверями от ветра прятался Генка Лунёв.

Увидев, что я стучусь, он приоткрыл дверь и поинтересовался:

— Ты чё шибаетшься? Чё не у тумбочки?

— Да подожди ты, — оборвал я его. — Безуглов где?

— Где, где? — недовольно ответил он: — Славку Черенцова с помощником отправил на обход, а сам в дежурке заперся, наверное, телек зырит.

От полученной информации я облегчённо вздохнул. Ромкин прогноз сбылся и, махнув Генке рукой, сделал вид, что пошёл в роту.

А сам, дождавшись, пока Генка вновь уместится между дверей, по-шпионски спустился по главной лестнице и сбежал к остановке автобуса на Верхне-Портовую.

Конечно, я сбежал туда не для того, чтобы сесть на автобус номер один, курсирующий от вокзала на Эгершельд, а чтобы поймать такси.

А такси, как будто, и ждало меня там. На остановке, на которой ветер с залива уже так сильно не ощущался, хотя и завывал, стояла жёлтая «Волга» с зелёным огоньком.

Обрадовавшись, что не придётся мёрзнуть, я постучал в водительскую дверцу.

Водитель, слегка приопустив ветровое окно, поинтересовался:

— Куда путь держим, курсантик?

— На Чуркин срочно надо, — пояснил я и озабоченно спросил: — Добросишь? — а то, кто его знает, может быть, он пассажира ждёт.

— Конечно, — довольно улыбнулся водитель и развеял мои сомнения. — Садись. Куда тебе?

— На улицу Связи. Поедешь?

— А что бы и не съездить? Ты платишь, мы едем. Ночь длинная. Абы кого возить неохота. Балдых полгорода, а ты, я смотрю, чистенький, аккуратненький и, как видно, при деньгах, да ещё к тому же и трезвый. Наверное, точно, до какой девицы собрался? — со смехом предположил водитель.

— Угадал ты батя, угадал, — подыграл я водителю, заметив, что тот по возрасту годится мне в отцы.

— Ну, а если угадал, то садись, довезу тебя до твоей улицы Связи с ветерком, — но тут же предупредил: — Но только по ночному тарифу, тем более, праздничному.

— Трёшки хватит? — уже по-деловому поинтересовался я.

— Садись, садись со своей трёшкой, — поторопил меня водитель.

В машине оказалось тепло, а водитель не в меру разговорчивым.

Он интересовался и мной и целью моего визита на улицу Связи и обсуждением многих проблем, связанных с работой в новогоднюю ночь.

Короче, доставил он меня по адресу без проблем, да ещё и пообещал приехать за мной в пять часов, но трёшку взял.

После моего звонка в дверь музыка в квартире стихла и осторожный голос поинтересовался:

— Кто там?

— Галю хочу увидеть, — приблизив лицо к двери, громко потребовал я.

— Какую Галю? — вновь недоверчиво выспрашивал меня голос.

— Знакомую мою. Скажи ей, что это Юра. Мы с ней на вечере в училище познакомились, — для верности пояснил я.

— Подожди, — предупредил меня голос и через дверь послышались удаляющиеся шаги.

Тишина длилась не больше пары минут.

Наконец чьи-то каблучки процокали к двери, и она передо мной распахнулась.

На пороге стояла Галя. Конечно, одетая не как расфуфыренные девчонки с Авраменко, а в строгом платье, подчёркивающие стройность фигуры. Короткие волосы аккуратно прибраны, а огромные глаза эффектно подведены и тушью, и тенями.

Я поразился её виду и отдался этому чуду женской красоты без остатка.

— Ну, Юра, ты даёшь, — хохотнул кто-то. — И сколько у тебя было этих чуд женской красоты?

— А ну тебя, Вован, — отмахнулся Юра и продолжил:

— Провели меня в комнату, где сидело несколько молодых парней моего возраста или несколько старше, пара девчонок и, на первый взгляд, семейная пара, по возрасту старше всех нас.

Женщина, смотревшаяся самой старшей, как потом оказалось, что это хозяйка квартиры, пригласила меня к столу и оказалось, что сижу я рядом с этой самой Галей.

По разговорам стало понятно, что все присутствующие приехали во Владивосток из деревни Чернятино, находящейся где-то аж за самой Покровкой. Поэтому и стол накрыли соответствующими блюдами обычной русской кухни.

Жаренная утка, сало, домашние колбасы, солёные и маринованные огурцы с помидорами, капуста квашенная. Я давненько таких изысков не пробовал, поэтому с самой настоящей самогонкой, настроенной на каких-то травах, всё шло за милую душу.

Натрескался под самый жвак, а самогонка ещё к тому же и разморила.

Увидев моё состояние, хозяйка мило побеспокоилась обо мне:

— А ты бы, Юрочка, прилёг на пару часиков, да отдохнул, а Галечка тебя поднимет апоз-жее.

Я ещё сдуру рассказал, что я специально из-за Гали сорвался с наряда.

Так оно и вышло. Комната для нас двоих нашлась. Уж и наобнимались, да нацеловались мы там с этой Галей, — но Юру усмехающиеся «морские волки» тут же прервали многозначительными замечаниями:

— И всё, что ли? И больше ни-ни? И скрип кровати вас ничем не выдавал?

На что Юра вполне серьёзно разрешил все наши сомнения:

— Но Галя блюла невинность и сразу меня предупредила, что все вольности будут дозволены только после свадьбы.

— Ох! — Юра тяжело вздохнул. — Далась им всем эта свадьба. Но я, сделав вид, что всё прекрасно понимаю, вновь поглядывал на часы. Стрелка неумолимо приближалась к пяти часам.

Пришлось покинуть столь уютную комнату, выйти к столу и с парнями, ополовинившими внушительный штоф с самогонкой, литра на два, усугубить празднование наступившего Нового года.

Галя ещё долго висела у меня на шее в коридоре, добиваясь обещания на следующее свидание.

Чего уж тут только не наобещаешь, — Юра хитро ухмыльнулся, — но в наряд требовалось возвращаться в первую очередь.

Таксист, как и обещал, в пять часов ждал меня внизу и быстро доставил к училищу. Я попросил его, чтобы он подъехал чуть ли не к самому подъезду нашей общаги.

Как и прежде, порывом ветра меня закинуло до второго этажа, а там я уже спокойно прошкандыбал до дверей роты.

В коридоре царил тишина. Повязка дневального так и лежала в ящике тумбочки, где я её оставил. Чувствовалось, что здесь никому-то ничего не надо. Все мирно спали.

Без десяти шесть я поднял вечно недовольного Ваньку и, кинув ему повязку дневального на койку, ушёл спать к Славику в кубрик. Славик с Ромкой так до сих пор и не вернулись от Валентины.

Только я прилёг и задремал, как истошный Ванькин вопль заставил меня подпрыгнуть на койке.

— Ро-о-ота! По-о-дъём, — орал он во всю мочь своих лёгких.

Откуда в таком тшедушном теле столько мощи для крика, до сих пор удивляюсь, но потом, когда Ванька проорал:

— Рота выходи на физзарядку, — недовольные пятикурсники повысовывали головы в щели дверей и довольно-таки непрезентабельными выражениями дали понять Ваньке, чтобы тот заткнулся. От их возмущённых сентенций в пустынном коридоре даже закачались плафоны освещения.

Но служба, остаётся службой. Дежурный по роте долго валяться в койке не позволил, а отправил нас накрывать на завтрак.

После завтрака произвели обязательную приборку, а в два часа я сменил шатающегося от усталости Ромку.

Около трёх часов дня в роту пожаловал командир роты.

Увидев входящего командира, я разразился душераздирающим воплем:

— Рота, смир-на!!! Дежурный-й-й! На-а выход! — и застыл перед командиром роты оловянным солдатиком.

Тот осмотрел меня и, не найдя изъянов ни в моём виде, ни в форме, только поинтересовался:

— Как дела, Кравцов?

— Отлично, товарищ капитан третьего ранга, — бодро ответил я, съедая командира роты животрепещущим взглядом.

На что тот только хмыкнул и, дождавшись подбежавшего дежурного по роте, выслушал его рапорт, что никаких замечаний по дежурству за прошедшее время не произошло.

Командир прошёл к себе в канцелярию, посидел там пару часов и отбыл в неизвестном направлении.

Вот тогда уже, с чувством исполненного долга, я уселся в бытовке у батареи и смиренно ждал, когда меня сменит очередной «невезунчик».

Юра закончил рассказ и в ожидании комментариев, осмотрел нас.

Ну, а что тут говорить? Повезло Юрику. Наверное, в тот день специальная звезда сопровождала его, но только Игорь Казаков скромно поинтересовался:

— Извини за нетактичный вопрос, Юрик, так это та самая Галя, что стала твоей женой?

Юра глубоко вздохнул, лицо его как-то сразу окаменело, взгляд потух, он поджал губы и опустил голову. Но, помолчав, поднял глаза на Игоря:

— Моя Галя ушла несколько лет назад. Меня с ней несколько позже познакомила моя мама и я прожил с ней очень счастливую жизнь.

— Извини, не знал, — стушевался Игорь.

— Ничего, бывает, — грустно улыбнулся Юра, кивнув Игорю.

18.05.2023 г.

Максик (Курсантские рассказы)

Увидев замолчавших «пацанов», с усердием навалившихся на закуски, я вспомнил один из эпизодов курсантской юности и, подождав, пока темп поглощения закусок уменьшился, спросил:

— Ну что? — осмотрев однокашников. — Можно продолжить?

— Давай, чего тянуть, начинай, — махнул рукой наш неунывающий старшина. — Для того и собрались здесь, чтобы послушать.

— Произошло это на четвёртом курсе, — степенно начал я. — Мы чувствовали себя абсолютно взрослыми и самостоятельными. Недаром четвёртый курс называли «богатые женихи». Почти половина роты уже переженились и на субботу и воскресенье женатиков отпускали домой.

Вот тогда для оставшихся наступала лафа. Накрывали столы на всю роту, а присутствовала половина. Пожрать можно было от пуза, да ещё и в кубарь кое-что с собой прихватить.

Но в понедельник на утреннем построении весь состав роты обязан стоять в строю, как штык, поэтому женатики начинали прибывать ещё до подъёма.

В один из таких дней я проснулся от того, что Макс, как слон в лавке начал шерудиться на своей кровати.

— Макс, тудыть твою растудыть, — невежливо обратился я к нему, высовывая голову из-под подушки, — заткнулся бы ты, да дал поспать...

Но Макс, не обращая внимания на мои стенания, продолжал скрипеть койкой и что-то бормотать.

— Макс, — я не выдержал и сел на койке, — у тебя вообще совесть есть? Тут люди с устатку спят, понимаешь ли, а он тут какую-то возню затеял... — вообще-то я хотел высказать побольше своих возмущений, но Макс меня перебил:

— Ты смотри чё у меня есть... — и обернулся ко мне.

Обычно Макс из дома приносил что-нибудь из еды и этот свёрток всегда оставлял на столе, а тут он лежал на койке, повернувшись к стене и что-то прятал.

Конечно, я человек не настолько любопытный, чтобы сразу совать нос не в свои дела, даже если меня и не попросят, но тут в голосе Макса звучало столько просьбы, что я не выдержал, поднялся с койки и подошёл к нему.

От увиденного я действительно удивился.

Макс лежал на кровати калачиком и в пространстве между его животом и стенкой лежал маленький котёнок. Из-под большой ладони Макса виднелся только его хвостик, зато из этого своеобразного укрытия раздавалось мурлыканье. Оно звучало настолько громко, что я, даже не наклоняясь к Макс, слышал его.

— Ого! — непроизвольно вырвалось у меня и, моментально проиграв в голове ситуацию, которая может последовать после обнаружения нового жильца в нашем кубрике, возмутился: — Зачем ты его притащил? Ты знаешь, что нам за это будет?

— Ерунда, — отмахнулся от меня Макс. — До пятницы он у нас тут побудет, а там я его домой отнесу. Ты посмотри, какой он красивый! — Макс сгробастал котёнка в ладонь и показал его мне.

Котёнок и в самом деле оказался замечательным. Круглая мордочка, чуть приплюснутый носик, большие глазки и маленький ротик, из которого вырвалось жалобное мяуканье.

От вида такой прелести у меня зашло сердце, и я уже более миролюбиво поинтересовался:

— И где ты его взял? — поглаживая котёнка пальцем между глазок по переносице.

— Где взял, там уже нету, — пробурчал Макс, довольный тем, что котёнок мне понравился.

В нашем доме, насколько я себя помню, коты жили всегда. Последний из этой породы, огромный серый, пушистый кот, напоминающий шар по кличке Пухоня, был папиным любимцем. Пухоне в доме прощалось всё. И даже если со стола он стащил кусок колбасы, то его за это только ругали, а он, зная, что лупить его не будут, только облизывался и наивно смотрел на негодующую маму. Это был независимый и наглый кот, действительно гуляющий сам по себе. В нашем одноэтажном доме окна папиного кабинета выходили в палисадник, поэтому в них всегда форточка держалась открытой, чтобы Пухоня в любой момент мог выйти из дома или заявиться тогда, когда ему заблагорассудится.

Поэтому к нашему новому жильцу я сразу проникся каким-то добрым чувством, а Макс принялся обстоятельно рассказывать, как он шёл вдоль общаг, услышал жалобное мяуканье и сердце у него от такого несчастья при виде брошенного котёнка не выдержало, и он его взял.

— Не переживай, Лёня, я его в пятницу домой оттараню, — успокаивал он меня. — Вот жена то обрадуется! Она давно такого красавца хотела заиметь.

Я взял из рук Макса котёнка и принялся его рассматривать.

С виду он выглядел, как месячный, но блох на нём кишело, как муравьёв в муравейнике. Они стадами носились по бедному маленькому тельцу несчастного животного.

— Так ты блох с него сначала выведи, прежде чем домой нести, а то тебя самого, как блоху придавят где-нибудь в прихожей, — посоветовал я своему другу.

— Почему это придавят? — тут же возмутился Макс, всегда убеждавший нас, что он глава своей новой семьи.

— А потому что дальше порога тебя не пустят с новым жильцом, — рассмеялся я на его наивный вопрос.

— Ладно тебе ерунду городить, — недовольно пробурчал Макс, забирая у меня котёнка, но, когда посмотрел на его шею и между лапок, то в недоумении поднял на меня глаза.

— Чё делать то будем с ним, Лёнь?

— Да ничего, — рассмеялся я в ответ, глядя в растерянные глаза Макса. — Или ты его возвращаешь туда, где взял, а если не возвращаешь, то надо его мыть и всю эту пакость с него вычёсывать.

— Не-е, — уверенность просквозила в словах Макса, — выкидывать я его не буду. Мыть его будем! — уверенно подвёл он итог своим размышлениям.

Я как-то сразу понял, что за этим «МЫ» Макс имел в виду меня.

Но тут наши дебаты прервал истошный вопль дневального, который во всю мощь своих лёгких орал:

— Ро-та! По-о-о-дъём! — это известие о начале новых трудовых будней прокатилось по длинному пустому коридору, отдаваясь в каждом его укромном уголке и принуждая ошалевших от такого призыва курсантов выскакивать из коек и, даже не продрав глаза, напяливать брюки, фланки, ботинки и, подпоясавшись, найти время, чтобы сбегать в туалет, пока не пронесётся новый призыв:

— Ро-ота! Строиться на физзарядку!

Но этот призыв прозвучит уже без переливов эха, потому что будет отражаться от спин мельтешащих в коридоре курсантов.

Несмотря на весь переполох, Макс серьёзно посмотрел на меня:

— Так, Лёня, иди отпрашивайся у Рогозина, а я Твердохлебову скажу, что приболел, — и, сунув котёнка под фланку, направился к выходу из кубрика.

Вообще-то Макс при любых обстоятельствах никогда не паниковал, никогда никуда не торопился, оставаясь всегда спокойным и рассудительным. На него всегда можно было положиться, зная, что поддержка тебе всегда будет обеспечена. Поэтому, зная всю обстоятельность и степенность Макса, я ни на йоту не сомневался, что его затея с котёнком прокатит и всё произойдёт так, как он задумал.

Но для верности, крикнул ему вслед:

— А чё я скажу Rogozinu?

— А что хочешь, то и говори, — отмахнулся от меня Макс, закрывая дверь кубрика.

Обалдевшие спросонья Гога Гуськов и Саня Лесников, ничего не понимая, смотрели на меня:

— Чё случилось то?

— Да ну вас! — психанул я, выбегая вслед за Максом в коридор.

Макс учился во второй группе и старшиной у него был Паша Твердохлебов, а я в первой со старшиной Витей Rogozinym.

Поэтому, выскочив в муравейник спящих курсантов, я проскочил сразу к старшинскому кубрику.

Дверь в него в этот момент оказалась открыта, и я чуть лоб в лоб не столкнулся со своим старшиной.

— Витя, — выпалил я, отскочив на шаг от Rogozina, — Макс приболел и его надо срочно сопровождать в санчасть. Можно я после завтрака с ним туда схожу?

Но Rogozinu в данный момент действительно было не до меня и до моих проблем, поэтому он со всей силы, как гаркнет на меня:

— В строй шуруй, потом разберёмся... — прибавив при этом несколько забористых словечек.

Пришлось подчиниться и встать в строй, а потом после команды «На-а-ле-ево», послушно развернуться и шкандыбать вместе со всеми на зарядку.

Перед завтраком Макс предупредил меня:

— Ты это, Лёня, с завтрака что-нибудь принеси мне и Максику, — просьбу Макс произнёс в своей обычной манере. Не поймёшь, просит он или приказывает, настолько она всегда выражалась обстоятельным и важным тоном.

— Кому- кому? — не понял я.

— Мне и Максику, — также серьёзно подтвердил свои слова Макс, давая понять, что я не ослышался.

— Какому ещё Максику? — я никак не мог въехать в проблему.

— Ему, — Макс ткнул себя в разрез фланки, откуда выглядывала любопытная мордочка котёнка.

— А-а, — рассмеялся я, — понял, — и пошёл строиться на завтрак.

После завтрака я повторил свою просьбу Rogozinu, и он разрешил мне из-за помощи больному товарищу на первую пару не идти.

Подождав, когда рота уйдёт на занятия и в коридоре восстановится тишина, мы занялись купанием котёнка и вылавливанием у него блох. Ведь в самом деле, не понесёт же Макс эту живность с блохами домой.

Для этой процедуры я принёс ведро с водой и оцинкованный тазик, соорудил из лезвий бритв «НЕВА» пару кипяtilьников и принялся греть воду.

Из кранов в наших умывальниках текла только холодная вода, так что мы к ней за четыре года обучения привыкли и воспринимали это как само собой разумеющееся. Но маленького Максика побоялись простудить, поэтому решили купать его в тёплой воде.

Когда вода нагрелась, то тазик поставили на стол. Макс держал своё приобретение в обеих руках, а я поливал это несчастное создание тёплой водой и намыливал.

Максик, несмотря на свою тщедушность, извивался, верещал и всячески старался выскользнуть из рук своего хозяина, но тот, даже несмотря на ободренные острыми коготками руки, спокойно командовал мне:

— Мыль тут, поливай здесь, — и уговаривал непослушника: — Шас мы тебя помоем, потом почешем и всех этих тварей из тебя изведём. Ты смотри, Лёня, а они точно смываются, — показал он на несметное количество плавающих в тазу кровососов.

— Это только те, которые сверху лазали, а остальных надо вычёсывать, — между делом отвечал я на все советы и претензии Макса.

Наконец, с помывкой нового члена нашего кубрика покончили и Макс для его осушки даже не пожалел свою старую тельняшку.

Сидя на койке, он бережно держал помытое создание, больше похожее на крысу, на коленях и что-то лебезил с ним.

Когда шёрстка стала подсыхать, то Макс со всей своей значительностью посмотрел на меня и спросил:

— Лёня, а чем мы его чесать будем? — вопрос оказался очень интересным, из-за отсутствия специальной чёсальки для котёнка.

— Чем-чем? — пожал я плечами. — Расчёской, конечно.

— Так доставай её, чё ты медлишь? — кивнул он в сторону моей тумбочки. — Я знаю, у тебя там две штуки есть, — уверенно констатировал он, чтобы избежать возражений с моей стороны.

— Но, Макс... — удивился я, — это же для головы, а не блох гонять...

— Ничего, потом отмоешь, — небрежно махнул он свободной рукой. — Подумаешь, какие-то блохи...

Пришлось доставать расчёску, и мы принялись чесать жалобно мяукающего Максика.

Не поддаваясь на ненужные жалости, мы старательно давили и выковыривали из его шёрстки этих тварей.

Когда по мнению Макса поголовье тварей изничтожили, то он попросил меня сходить в Зелёный магазин за молоком.

А когда я вернулся с пакетом молока, то мы кормили и поили найдёныша.

Какие тут занятия?! Какая учёба?! Мы целыми днями занимались нашим приобретением. Даже старшины, которые, хоть и прознали о Максике, но делали вид, что ничего особенного не произошло.

Но жизнь на Олимпе не всегда проходит спокойно. Иногда на нём происходят и извержения.

Одно из них наступило в четверг.

На построение перед занятиями в роту неожиданно, никого не предупреждая, пожаловал начальник ОРСО Константин Игнатьевич Пивоваров.

Входная дверь в роту с треском распахнулась и подполковник в чёрной, безукоризненно отглаженной форме, переступил её порог.

Дневальный, моментально отреагировав на появление начальства, истошно заорал:

— Рота-а-а-а! Смирн-а-а-а!!!

Естественно, мы все застыли монолитным строем, боясь даже лишний раз вздохнуть. Ведь появление начальства, да ещё и без предупреждения, грозило кучей неприятностей.

Командир роты капитан третьего ранга Сысоев, чётким строевым шагом подошёл к начальнику ОРСО и отрапортовал:

— Товарищ подполковник, рота для прохождения на учёбу построена. Больных и отсутствующих нет!

Пивоваров, чётко развернувшись к строю, и, не отнимая правой руки от фуражки, поприветствовал роту:

— Здравствуйте, товарищи курсанты!!!

На что рота, на едином дыхании во всю глотку громыхнула:

— Здравия желаем товарищ подполковник!!!

Довольный дружным ответом, Пивоваров скомандовал:

— Во-ольна! — и пошёл вдоль строя, осматривая лица застывших курсантов.

Коридор освещался только дневным светом, идущим из окон в его начале и конце, да и середину ещё падал свет из Ленинской комнаты. В коридоре стоял полумрак, особенно усиленный чёрными бушлатами и мичманками курсантов.

Чтобы лучше разглядеть преданно смотрящие на него курсантские лица, Пивоваров открывал дверь каждого кубрика, мимо которых проходил.

Свет из кубриков хорошо освещал строй застывших курсантов и попутно позволял начальнику ОРСО пронаблюдать за порядком, оставленный курсантами после ухода на построение и занятия.

А тут стоило на что посмотреть. На окнах занавески в виде приталенных юбочек. У стола по четыре табуретки с прорезями, выровненными в линейку. Койки заправлены без складочек, подушки выстроены пирамидками, полотенца на спинках кроватей белеют, как чайки над волнами, одеяла на кроватях изображают конверты писем от любимых девушек. А чистота на палубе, что гладь на золотом блюде.

И вот, подойдя к окончанию строя, как раз до того места, где находился наш кубрик, Пивоваров распахнул очередную дверь.

И эта дверь вела именно в него, в наш кубрик.

Дверь с треском распахнулась, строй замер и над ним нависла абсолютная тишина.

Не потому, что все в строю молчали, а от того, что из кубрика вышел котёнок и, задрав мордочку, осмотрел чёрные брюки Пивоварова, а затем потёрся об них спинкой. Когда процесс знакомства котёнка с начальником ОРСО вошёл в кульминационную стадию и котёнок обнаружил, что его не понимают, то неожиданно мяукнул. Его тоненький голосок пронёсся над ротой почище свистка паровоза, отозвавшись трепетом в наших сердцах и заставив представить, что сейчас произойдёт.

Ошарашенный таким нахальством Константин Игнатьевич застыл, не зная, как отреагировать на увиденное. Но с невероятным усилием погасив в себе костёр возмущения, осмотрел гневным взглядом притихший строй и громко спросил:

— Чей это кубрик?!!! Выйти из строя!!!

Пришлось нам, соблюдая все правила построения, выйти из строя и застыть перед очами начальника ОРСО.

Подойдя к нам, Пивоваров мёртвенно-убийственным взглядом вглядывался в наши лица. Но тут маленький нарушитель спокойствия прошёл следом за понравившимися ему брюками Константина Игнатьевича и, задрав головку, вновь промяукал. Таким образом он просился, чтобы его взяли на руки.

Но Константин Игнатьевич не понял желания котёнка и, ткнув в него пальцем, грозно задал вопрос, сверля каждого из нас взглядом:

— Эт-то что такое? — судя по всему от такой картины у Константина Игнатьевича слов больше не нашлось.

Лично у меня язык от предполагаемых последствий, присох к спине, но, как всегда, флегматичный Макс спокойно ответил:

— Максик это?

— Какой к чёрту Максик?! — разразился громом и молниями начальник ОРСО.

Я стоял перед строем ни жив ни мёртв. А особенно, когда над нами начали летать обещания сгноить всех нас в определённых местах общественного пользования и про различных кузькиных матерей, то в животе, кроме холода ничего не ощущалось.

Но, красноречие, даже у греческих философов всё равно когда-нибудь заканчивалось, поэтому и объёмы вылитых на нас угроз со стороны начальника ОРСО закончились однозначно:

— Самому умному, — Пивоваров указал на Макса, — пять нарядов вне очереди на КПП, а с остальными Вы, — он посмотрел на командира роты, — разберитесь сами. А живность эту, — он указал на спокойно бродящего перед строем котёнка, — из роты немедленно удалить.

С этими словами Пивоваров развернулся и покинул роту, а Макс догнал Максика, увязавшегося за строгим начальником, и засунул его за обшлаг бушлата.

С тех пор Макс стал «лучшим другом» Константина Игнатьевича, но за первое знакомство расплатился тем, что отхватил пять нарядов вне очереди у главного входа в училище. Макс честно отстоял все наряды, но не дневальным у входа, а помощником дежурного по училищу.

Несмотря на пронёсшуюся грозу, Макс в этот же день отнёс Максика домой, и он многие годы долго радовал его и членов его семьи своей любовью и лаской.

Закончив рассказ, я осмотрел своих примолкших друзей, и кто-то из них спросил:

— А где сам Макс сейчас? — на что мне пришлось ответить:

— А он, несмотря ни на что, продолжает морячить...

10.05.2023 г.

Близнецы (Курсантские рассказы)

В последнее воскресенье июля наша рота, по традиции, встречалась перед входом в главный корпус училища.

Мы с удивлением рассматривали друг друга и, когда узнавали друзей, радовались словно мальчишки.

Тут звучали только имена и прозвища, под которыми мы помнили друг друга.

Наверное, со стороны странно смотреть на седых, потрёпанных временем дядек, которые обнимались, по-юношески смеялись и называли себя Сашками, Кольками, Петьками, Юрками.

Молоденький курсантик при виде такого действия подошёл и поинтересовался:

— Извините, а что здесь происходит?

— А что, не видно, что ли? — рассмеялся от такого вопроса Олег Осетров. — Друзья здесь встретились. Выпускники, вот этой самой бursы, — показал он на монументальные стены главного корпуса.

— И сколько же лет прошло после выпуска? — продолжал интересоваться парнишка.

— Сорок пять, — вместо Олега ответил кто-то из радостной группки выпускников.

— Ого! — только и вырвалось у курсанта.

— Это тебе не «ого». Это тебе ого-го! — поправил его Олег и присоединился к друзьям, весело обсуждающих встречу.

Вася Гусев с Толиком Власенко, организаторы всех предыдущих встреч, следующим номером программы запланировали посещение небольшого кафе.

Вот там-то и продолжились беседы и воспоминания, присущие таким встречам.

Иные истории выслушивались внимательно и обстоятельно, а другие со смехом и прибаутками. Но каждая из них сопровождалась жаркими обсуждениями и воспоминаниями.

Все хотели что-то сказать друг другу и рассказать то самое, что, как они считали, являлось самым ярким и запоминающимся в их курсантскую бытность.

В середине дебатов, друзей прервал Гена Шолохов.

— Да, окончание плавательской практики — это, конечно, знаменательное событие, — начал он свой рассказ, от которого все притихли, сосредоточив на нём внимание. — Это поймёт каждый из нас. Ведь после ротной дисциплины, командиров и старшин, всегда хочется вольницы, а особенно, когда за тобой никто не следит и ты чувствуешь себя свободным, как птица в полёте.

Так и у нас получилось. Практику мы проходили на разных судах, но, когда встретились в роте, то решили пойти и отметить такое знаменательное событие.

Денег, как всегда, оказалось в обрез, поэтому решили в первом гастрономе, что напротив памятника Борцам за власть Советов на центральной площади, набрать вина и там же его изничтожить.

Сказано — сделано. Вино в виде болгарской «Варны» приобрели и, зайдя на косогор за памятником, употребили.

В те времена сквер за памятником уже снесли и пространство справа от него готовилось к какой-то грандиозной стройке. Поэтому привычка отдыхать в сквере осталась, а место, где обычно отдыхали горожане, уже отсутствовало. Вместо сквера остался только покрытый зеленью косогор, с которого прекрасно просматривался тридцать третий причал и стоящие на отстое суда, со знаменитой «Якутией», приспособленной под гостиницу.

Посидели, поговорили, каждый из нас рассказал о приключениях во время практики, а когда настроение поднялось и винишко закончилось, то решили пойти в Большой парк на танцы.

Но вино рвалось наружу, а туалеты, как и сейчас в этом районе, отсутствовали, — и Гена, понимающим взглядом окинув нас, продолжил: — И такой дружной компанией мы подошли к огромному памятнику Борцов за власть Советов и выстроились у него со стороны, не видной с площади.

Неожиданно откуда-то выскочил пузатый, как колобок дядька, да как заверещит:

— Вы что это тут вытворяете, бесстыдники? Вы почему оскверняете жертвы революции. Они, понимаешь ли, Советскую Власть на Дальнем Востоке устанавливали, а вы их тут поливаете чёрт те знает чем!!! Немедленно прекратите безобразие и покажите ваши курсантские билеты! Я с вами разберусь, и вы у меня не то, что за границы, вы у меня и училища больше никогда не увидите!

Конечно, мы оделись по гражданке по выходу из училища, но Славик с Юриком были во фланках. Юрик в белой, а Славик в парадной, где на рукаве светилось три сопля и красный флажок над ними.

Сведущему человеку становилось сразу понятно, что мы курсанты и к какому училищу принадлежим. Наверное, этот дякус и являлся таковым.

Но откуда мы знали, кто это такой и чего это он там верещит у памятника. Поэтому в выражениях не постеснялись и послали его подальше, чтобы он не прерывал важного процесса, на котором в данный момент происходило наше полное сосредоточение.

Но от такого ответа колобок ещё больше разверещался, руками размахался и сыпал угрозами направо и налево.

В нашей группе отдыхающих находились и Вовка с Серёгой. Вы помните их, конечно, — Гена вновь осмотрел нас, надеясь, что мы его понимаем. — И насколько вам всем известно, что Вовку от Серёги отличить практически невозможно, настолько они похожи друг на друга. Я прожил с ними в одном кубрике два года и то порой их путал.

Вовка у братьев считался за старшего, потому что родился на несколько минут раньше и всегда являлся заводилой во всех мероприятиях. Серёга тот был более покладистый и рассудительный, а Вовке везде трынь трава по пояс и любое море — лужа. Поэтому Вовку слова этого шарика в шляпе задели за самое живое и он, подойдя к кричащему мужику, мирно поинтересовался:

— А чего это ты тут падашь подзаборная разверещался? А не пошёл бы ты лесом, а то я тебя сейчас по такому эротическому маршруту отправлю, что ты потом об этом всю жизнь жалеть будешь. — Ну, или что-то примерно в таком разрезе.

Подкорректировал сам себя Гена.

— Сейчас уже по прошествию стольких лет, об этом разве упомнишь... Но на мужика слова Вовки произвели совсем противоположное впечатление и он, вместо того чтобы успокоиться и свалить, как подскочит к Вовке, да как вновь заверещит:

— Да я тебя сгною, да ты у меня на коленях будешь прощения просить за такие выходы... — ну и так далее в таком же ключе.

Вовка, внимательно выслушав обещания дякуса, вновь с ним не согласился и уже эмоциональнее ответил:

— А не пошёл бы ты... — ну и обрисовал точный маршрут следования этому принципиальному гражданину, а в подтверждение своих слов, чтобы тот так сильно не выступал, срезал торец у этого правдоискателя.

Мы и охнуть не успели, как пятки дякуса задрались и он, что звезда на морском дне, распластался на взрыхлённой земле газона.

Вовка ещё подошёл к нему, наклонился и, убедившись, что дякус живой, махнул нам рукой:

— Пошли на танцы. Чё тут торчать?

Отойдя метров на пятьдесят, мы вновь услышали неприятный голос толстяка, который обещал нам всяческие пакости типа, что он нас всех найдёт и что мы за своё хулиганство ещё поплатимся. Но мы уже не обращали ни на что внимания, а держали путь в Большой.

Кстати, вечер провели прекрасно. Девчонки, музыка, танцы. Что ещё надо курсантам после трёхмесячного нахождения в море?

На следующий день началась учёба и этот инцидент как-то сам собой забылся.

Процесс жизни в роте пошёл своим чередом. Подъём, зарядка, завтрак, учёба, обед ну и так далее.

Конечно, трудно привыкнуть к этому после вольницы на практике, но со временем мы в этот процесс начали втягиваться.

Неожиданно пронеслась новость, что начальник ОРСО по утрам проводит проверку всех рот, пришедших с практики. Ну проверяет, так проверяет. Мы понимали желание строевого офицера, вернуть нас в лоно альма матер и выбить анархию, поселившуюся в наших юных мозгах, увидевших прелести судовой жизни и заставить вновь стать настоящими курсантами, которые ходят строем, чеканя шаг и дружно орут: «Здравия желаем товарищ подполковник».

О том, что нас ждёт проверка самим начальником ОРСО на одном из построений дошёл до нашего сведения командир роты и пообещал выбить из нас весь дух вольницы.

Тот день ничего особенного не предвещал. Он начался обычно.

Рота, как обычно, построилась в коридоре к отбытию на завтрак. Но тут на построение пожаловал начальник ОРСО Константин Игнатьевич Пивоваров. Рядом с ним крутился маленький кругленький дякус, который повстречался нам у памятника на площади.

Я как увидел его, так мне аж дурно стало от нехороших предчувствий.

Вовка в тот день находился в наряде. Он с дежурным по роте и всем нарядом уже ушёл в столовую накрывать столы на завтрак. Поэтому в строю стоял только Серёга. Обычно братья всегда держались вместе и на занятиях, и в нарядах. Но сегодня из-за какой-то неразберихи их поставили в наряд на разные дни.

При входе начальника ОРСО в роту командир доложил ему о готовности личного состава пройти на завтрак, но Константин Игнатьевич прервал его и, поздоровавшись с нами, объявил:

— Ко мне обратился инструктор по образованию горкома КПСС...

Гена окинул нас взглядом, пытаясь объяснить должность кругленького дякуса:

— Ну или что-то в этом роде. Короче, какая-то шишка из горкома. Точно я не помню какая. — И продолжил уже торжественным голосом, подражая начальнику ОРСО:

— Этот товарищ утверждает, что какие-то курсанты осквернили память жертв революции в самом центре города и оскорбили лично его, когда он делал им замечание. Сейчас этот товарищ, — Константин Игнатьевич сверху вниз посмотрел на мельтешащего где-то у его ног коlobка, — обойдёт строй и осмотрит его на предмет выявления нарушителя.

И они пошли.

Я стоял в первом ряду и когда на мне остановился злобный взгляд маленьких жёстких глазок представителя горкома, то у меня внутри даже что-то ёкнуло. Ведь и я присутствовал там при тех знаменательных событиях и значит политическая подоплёка, подводимая под оскорбление жертв революции, могла коснуться и меня и остальных парней, участвующих в том знаменитом мероприятии.

Но взгляд инструктора прошёл мимо меня и остановился на Серёге, стоящего сразу за мной.

— Вот он, этот злодей! — чуть ли не выкрикнул колобок, ткнув пальцем в Серёгу.

Серёга от его жеста только ошарашенно пробормотал:

— Да не было меня там у этого памятника и ничего я там не осквернял...

Но начальник ОРСО распорядился по-своему. Он громко скомандовал:

— Курсант! Выйти из строя! — что Серёга и сделал, а потом жёстким голосом обратился к колобку: — А Вы не ошибаетесь? — Пивоваров испытующе посмотрел на колобка. — Я хорошо знаю этого курсанта и уверен, что он на подобные гнусности неспособный. Тем более, что отец его офицер.

— Нет, нет — это он, — заверещал колобок. — Пусть он руки свои покажет. На них должны остаться следы от удара, который он мне нанёс, — и показал на ту часть своего лица, на которой светился приличный фуфел, замазанный какой-то белой хренью.

— Покажите Ваши руки, курсант, — потребовал Пивоваров и Серёга вытянул перед собой руки, на которых, естественно, никаких следов и быть не могло.

Но колобок не унимался:

— Я уверен — это он. В этом сомнения и быть не может. Я его чётко запомнил, — но это он уже добавил не столь уверенно.

Уловив эту интонацию в голосе колобка, Константин Игнатьевич сделал паузу и обратился к командиру роты:

— Пусть курсант позавтракает и в Вашем сопровождении прибудет ко мне в кабинет.

С этими словами он развернулся и чётким шагом покинул роту. Вслед за ним семенил и колобок. Но эта пакость обернулась и, погрозив пальцем ошарашенному Серёге, зло прошипела:

— Я обещал, что я тебя найду. Теперь ты никуда не денешься, — и исчез вслед за Пивоваровым.

Но мы то все знали, что это не Серёга уложил колобка на газон, поэтому надеялись на благоприятный исход событий.

В столовой Серёга с Вовкой отошли в дальний угол зала и что-то долго обсуждали.

В итоге вы все знаете, что Серёга брата выдавать не стал. Серёгу хотели отчислить из училища, но родители подсуетились и его отправили в академку, но он всё равно закончил ДВВИМУ только на год позже нас.

23.05.2023 г.

Портофлот (Курсантские рассказы)

На пятом курсе жизнь в курсантской среде вошла в мирное русло и плавно, словно великая река Волга, двигалась к своему завершению. Многие уже выбрали себе темы для дипломных проектов и начинали корпеть над ними.

Но дисциплину в роте никто не отменял и курсанты, хоть они и стали уже по общепринятой градации «отцами», но к семи часам утра им следовало являться в роту и в восемь часов, как штык, стоять в строю на утренней поверке.

Правда до некоторых это с первого раза не доходило и тогда командир роты, проявив твёрдость и настойчивость, отправлял нарушителей на берег бухты вытаскивать ялы на берег или наоборот, стаскивать их в воду.

Тогда больше тридцати нарушителей под смех и гогот, занимались столь прозаичной работой.

В другой раз тех же самых женатиков, вообразивших себя королями, командир роты отправил на косогор, спускавшийся от общаг к бухте, пропалывать на нём сорняки и убирать мусор.

Косогоры, соответственно, стали чище, а в сознание курсантов залегла одна простая истина, что дисциплину надо блюсти.

Но, чтобы ни происходило, а по субботам на построении после занятий, рота выстраивалась при всём параде в коридоре и готовилась к отбытию в увольнение.

Женатики увольнялись до понедельника, а вечные бездомные обитатели роты, только до вечера.

В одном из очередных увольнений Вовка со своим другом Сахой ехали в электричке домой на Вторую речку.

Электричка в этот вечерний час оказалась переполненной и им пришлось стоять в тамбуре.

Они мирно стояли и, никого не трогая, переговариваясь о событиях прошедшей недели.

Неожиданно из вагона в тамбур протолкался невысокий красномордый военно-морской офицер с погонами капитана первого ранга. Перегар перед ним шёл на расстоянии метра и поэтому помогал ему пробивать путь на выход из вагона.

Протолкавшись в тамбур, он оказался лицом к лицу с Вованом.

Оттолкнувшись от него обеими руками, каперанг посмотрел на Вована снизу вверх и, ни с того ни с сего, как заорёт:

— Товарищ курсант! Вы как стоите?! Почему вы не приветствуете старшего по званию? Почему создаёте преграды на его пути?

От такой наглости и беспринципного крика, весь тамбур онемел, а Вован с Сахой молча стояли и хлопали глазами.

Но каперанга это не остановило, и он начал нагло выталкивать бессловесных курсантов из тамбура в вагон.

Вовану и Сахе конфликтовать с каперангом абсолютно не хотелось, тем более затевать с ним ссору. Они же интеллигентные будущие инженерá. Зачем им какие-то конфликты? Ведь через несколько месяцев они получают дипломы и начхать им тогда на весь этот военно-морской флот с его прибабахнутыми каперангами.

Но тут к ним, что банный лист до определённого места прицепился этот жирный боров и, вцепившись в отглаженные фланки, требовал извинений и чинопочитания. Хотя ни при каких обстоятельствах курсанты ДВВИМУ не обязаны приветствовать военно-морских офицеров.

Наверное, этот боров спьяну спутал их с курсантами ТОВВМУ. Но когда понял это, то задний ход у него заклинил и он продолжал нагло орать:

— Вы как стоите? Вы почему хамите и огрызаетесь? — хотя со стороны Вавана и Сахи ещё и звука не раздалось.

Но у терпения всегда есть край и когда оно доходит до краёв, то обязательно выплеснется.

Поэтому Вован в самой корректной и интеллигентной форме ответил на беспочвенные требования зарвавшегося вояки:

— Чего это ты тут разоралась, рвань каботажная. Ты чё к нам пристал? — но кроме миазмов после употреблённого шила, ответа не последовало, потому что от справедливого отпора вся бравада поддатого вояки куда-то подевалась и он стоял, прижатый напирющей толпой к груди Вована только беззвучно разевая рот.

— Ты куда-то шёл? — вежливо продолжал интересоваться Вован.

На что каперанг не успел ответить, потому что электричка подошла к станции Моргородок, и толпа выходящих пассажиров хлынула в открывшиеся двери.

— Вот и иди себе дальше, — посоветовал каперангу Вован и оттолкнул от себя стусок жира и алкоголя.

Офицера, подхваченного неудержимой толпой, вынесло на перрон, и он растянулся на нём чёрной кляксой. Кто-то из пассажиров попытался поднять распростёртую на перроне пьянь, но она сама подскочила и обратно кинулась в вагон.

Но этого сделать ей не удалось, потому что двери электрички плавно закрылись, а до Вована донеслись только злобные возгласы:

— Я тебя найду! Ты от меня никуда не денешься!..

В опустевшем тамбуре Вовка только облегчённо вздохнул и невольно перекрестился:

— Господи, спаси и сохрани мир от таких дураков.

Через несколько минут электричка подъехала к остановке Вторая речка. Саха с Вованом вышли из неё и спокойно отправились по домам, где их ждали молодые жёны.

Лёнька с утра находился в кубрике один. Саня с Гогой ещё не пришли из увольнения, и он мог минимум полчаса спокойно поваляться перед утренним построением.

Он лежал на койке и, закинув руки за голову с умным видом изучал трещины на потолке.

Из коридора неслись крики и вопли суетящихся однокашников, носившихся между кубриками, туалетом и умывальней.

Обстановка располагала к размышлениям. Работа с дипломом продвигалась, руководитель его даже похвалил, и Лёнька обдумывал замечания руководителя, которые ему надо выполнить.

Неожиданно дверь в кубрик распахнулась и в него вошёл какой-то незнакомый высокий кругломордый курсант.

Лёнька, лениво повернув голову в сторону кругломордого, тяжело вздохнул. Ему в данную секунду только не хватало того, чтобы кто-то побеспокоил его и вырвал из блаженного состояния отрешённости.

— Чё надо? — лениво пробормотал он и как же удивился, когда незнакомец голосом Вована спросил:

— Как дела, Лёнь? Чё валяешься?

Голос незнакомца настолько удивил Лёньку, что от неожиданности он даже присел на койке, моментально забыв о состоянии покоя, в котором только что возлежал.

За четыре с лишним года он настолько узнал своих однокашников, что даже во сне смог бы определить по голосу говорящего, даже если бы это происходило в абсолютной темноте или где-нибудь далеко за его спиной.

Незнакомец реально говорил голосом Вована.

Встав с койки и подойдя к незнакомцу, Лёнька с удивлением принялся разглядывать вошедшего.

— Ты кто? — непроизвольно вырвалось у него.

А незнакомец, не теряя серьёзности, продолжал допытываться:

— Чё, не узнал, что ли? — и не сводил с Лёньки хитрых глаз.

Приглядевшись получше, Лёнька неуверенно пробормотал:

— Ты что ли, Вован?

Увидев неподдельное изумление на лице Лёньки, незнакомец не на шутку расхохотался:

— Ну ты даёшь, Лёнь! — довольно говорил незнакомец голосом Вована. — Так это же я, Вовка! Что? Не узнал, что ли? — и вытащил из-за щёк ватные тампоны.

— У-а-у, — вырвалось от удивления у Лёньки, когда он увидел перед собой действительное лицо Вована. — Ты чё это маскируешься?

— Да понимаешь... — и Вовка рассказал историю, приключившуюся с ним и Сахой в электричке. — А сегодня, разведка донесла, что Костя будет делать смотр вместе с этим говнистым каперангом. Поэтому я маскировку делаю, — и ещё раз поинтересовался: — Что, действительно не узнал или притворился?

— Не-е, реально не узнал, — уверил Лёнька засомневавшегося Вовку.

На тут дневальный прокричал:

— Ро-ота! Выходи строиться!

Пришлось закончить разговор и, прихватив портфель, выйти в коридор на построение.

Только рота построилась и старшины проверили наличие состава, как дневальный вновь истерично заорал:

— Ро-ота! Сирна-а!

Строй автоматически замер и по нему пронёсся ветер слуха:

— Костя пришёл...

Выйдя на середину строя застывших курсантов, начальник ОРСО Константин Игнатьевич Пивоваров развернулся к нему лицом и громовым голосом чётко поздоровался:

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

На что строй тут же дружно во всю силу своих молодых лёгких прогрехотал:

— Здравия желаем, товарищ подполковник.

Всё это стой выдал на одном дыхании, поэтому посторонний смог бы только расслышать: «Здра жла тоащ пааоник».

Довольный ответом, Пивоваров вновь скомандовал:

— Вольна-а, — и объявил: — Сейчас мы с капитаном первого ранга осмотрим строй. Всем приготовиться!

И тут у Лёньки стало закрадываться какое-то смутное сомнение, когда он краем глаза увидел рядом с Пивоваровым невысокого толстого капитана первого ранга.

Сердце ему подсказало, что что-то сейчас произойдёт. Он скосил глаза в сторону Вована и, увидев его толстую морду с засунутыми за щёки тампонами, успокоился.

«Может и пронесёт», — подумалось ему.

Саха, как самый огромный и высокий, стоял во втором ряду в начале строя, а Вован тоже затесался в середине во второй ряд, тупо уставясь в затылок впереди стоящего.

Пивоваров вместе с каперангом медленно шли вдоль строя, а это жирное чмо пристально вглядывалось в застывшие лица курсантов.

Подойдя к нашей группе, каперанг неожиданно вскрикнул и указал на Саху пальцем:

— Вот этот был там! — от радости, что узнал неизвестного обидчика, он чуть ли не подпрыгнул, на что Константин Игнатьевич, посмотрев на каперанга сверху вниз, понизив голос до предела, спросил:

— Так это он что ли Вас толкнул?

— Нет, не он, а другой, что поменьше, да понаглее. Этот молча стоял в стороне. У Лёньки от его слов даже вырвался вздох облегчения.

«Может пронесёт?» — вновь невольно подумалось ему.

Но каперанг продолжал обходить строй и, подойдя к Вовану, хоть он и стоял во втором ряду, ткнул в него пальцем.

— Вот этот, кажется, — неуверенно проговорил он.

— Так кажется или он? — чувствовалось, что Пивоварову весь этот спектакль не нравится и он очень зол и с трудом сдерживает гнев.

Насколько мы знали начальника ОРСО, то в таком состоянии к нему лучше на глаза не попадаться. Размелет в пыль.

— Он, он, — уже увереннее заявил каперанг. — Я эту наглую морду из тысяч таких узнаю.

Не обращая внимания на заверения каперанга, Пивоваров скомандовал:

— Курсант! Выйти из строя, — а когда Вован вышел, то вновь скомандовал: — За мной! — и пошёл на выход из роты.

Когда за вышедшей троицей закрылась дверь, командир роты скомандовал:

— Вольна-а! — и в течение получаса принялся вставлять мозги без пяти минут инженерАм.

А так как Вован уже заканчивал пятый курс, то его наказали тем, что закрыли визу, но училище дали закончить. Распределение он получил в Портофлот, где всю жизнь отработал механиком. Судя по последним встречам однокашников, Лёнька знал, что Вован на свою жизнь не жаловался, а наоборот считал, что прожил её замечательно. Ведь он не шибался по морям годами без семьи, не зная домашнего тепла.

Он спокойно работал сутки через трое, имея любящую жену, детей, дачу, машину, гараж. Ну, всё то, что необходимо обычному человеку, а не тому, кто тельняшку рвёт на груди, доказывая всем, что он герой, покоривший все моря и океаны.

25.05.2023

Ром «Негро» (Курсантские рассказы)

*Как мало нужно,
чтобы многое испортить.
Как много нужно, чтоб малое сберечь.*

С дисциплиной на пятом курсе стало полегче, чем на первых курсах. Особенно после плавательской практики. А если ещё к тому же находиться в хороших отношениях со старшиной, то тебе светила не жизнь, а малина.

Вечерняя поверка, если срочно понадобится, то по договорённости со старшиной иногда пропускалась, утренние подъёмы игнорировались. В столовую, если шли с командиром роты, то ходили строем, а без него, то брели туда вразброд только лишь потому, что требовалось пожать.

Ну, а если вообще старшина у тебя оказался в дружба́нах, то можно и на подработку устроиться.

Так недавно Федя с Игорьком искали третьего человека к себе в бригаду для работы в кочегарке и предложили Ивану составить им компанию. Он это предложение принял с удовольствием и теперь они втроём несли суточные вахты в кочегарке, расположенной на территории завода на Первой Морской. Кочегарка находилась у самого забора, так что на вахту парни ходили не через проходную, а через огромную дыру в заборе.

Как обращаться с котельным оборудованием они прекрасно ознакомились во время практики, поэтому держать пар на марке мог каждый из них.

На первых двух курсах они работали в кочегарке на угле, где приходилось кидать уголь в топку котла лопатами, а сейчас им подфартило, и они несли вахту в кочегарке, где форсунка работала на жидком топливе.

Главное состояло в том, чтобы угадать расход пара и по нему отрегулировать пламя форсунки. Если всё правильно отрегулировано, то приходилось только каждые полчаса проверять уровень воды в котле и давление пара. А вот если регулировка сбилась, то требовалось увеличивать подачу топлива на форсунку или уменьшать его до тех пор, пока давление пара в котле не придёт в норму.

Работка не пыльная, но требовала постоянного контроля в течение суток. На вахту они приходили в восемь утра и весь день и всю ночь непрерывно наблюдали за котлом. Так что времени сгонять в столовую не оставалось. А так как кочегарка находилась недалеко от училища, то парни снабжали сами себя обедами и ужинами.

После суточных вахт спать хотелось неимоверно, поэтому сегодня Иван лежал в кубрике, пытаясь выспаться после вахты. А так как его терзали смутные сомнения по поводу работы в кочегарке, заснуть не мог.

Он лежал и рассуждал, а нужна ли ему вообще эта кочегарка. Занятия из-за этого пропускаются, а ведь впереди экзамены, да не по простым предметам, а по специальности. Стипендия двенадцать пятьдесят, да родители десятку подкидывают. Если не шиковать, то этих денег вполне хватало на месяц при обычной жизни.

Но если ходить на танцы, да шиковать с девчонками, то, конечно, этого мало. Это и побудило Ивана поддаться на уговоры Феди, чтобы пойти работать. Сейчас в глубине души он сожалел о принятом тогда решении из-за пропущенных занятий и кашей в голове от недополученных знаний. Но зарплата в виде ста тридцати рублей, полученных вчера, вносила свою лепту в его сомнения.

Он вертелся на койке и пытался найти верное решение возникшей проблемы. Учиться или работать. Хотя, вся жизнь впереди, наработаться он ещё успеет, а вот недополученные знания, вряд ли наверстает. Поэтому, решение о прекращении работы в кочегарке, как-то само собой назревало.

Но тут его невесёлые размышления прервал Федя.

Тот, как всегда, резко появился в кубрике.

Широко распахнув дверь, он застыл над Иваном, развалившимся на койке и голосом, сниженным чуть ли не до второй октавы, громко спросил:

— Па-а-чему лежим? Па-а-чему не в настроении?

Недовольно переведя взгляд на ворвавшегося Федю, Иван отмахнулся от него, вяло проговорив:

— Шёл бы ты, Федя, далеко. И без тебя тошно.

— Чего тебе тошного-то? — не понял пессимизма своего друга Федя. — Бабло получили. Вечер прекрасный. Жизнь только и зовёт, займи, но выпей. А нам и занимать не надо. Бабосики то вот они, — и, вытащив из кармана пару смятых пятёрок, потряс ими перед лицом Ивана.

Но тот вновь отмахнулся от Фединой руки с деньгами:

— Да иди ты, — напомнив Феде один из эротических маршрутов, — нет у меня никакого желания никуда идти, — и попытался отвернуться к стене, хотя прекрасно знал, что Федю невозможно остановить от намеченной цели.

Так сейчас и оказалось. Федя без малейшего усилия стрёб Ивана в охапку и заставил сесть на койке.

При росте в сто восемьдесят с лишним и невероятной силище, этот манёвр с Иваном, весившего всего шестьдесят килограммов, Федя проделал молниеносно, как будто поиграл с пёрышком.

Поняв, что сопротивляться бесполезно, Иван тяжело вздохнул:

— Ну и чё ты от меня хочешь? — подняв голову и вопросительно глядя на воодушевлённого друга.

— Ну, наверное, то же, что и ты. Но только ты ещё в полной мере не осознаёшь этого, а у меня уже есть прекрасный план, как развеять твою хандру, — с непередаваемыми нотками таинственности попытался создать интригу Федя.

— Ну, и какой же это твой план? — скептически усмехнулся Иван, заранее зная, что имел в виду его друг. — Давай, рассказывай, может я и соглашусь с ним, — и, откинувшись на стенку, с глубоким сомнением уставился на Федю.

— согласишься, согласишься, — уже мирно продолжил воодушевлённый посетившей его идеей Федя, устраиваясь на одной из баночек за столом.

На что Иван, повернув к нему голову, сделал вид, что пытается разгадать, что же приготовил ему на этот раз его лепший кореш.

Но тут и догадываться нечего. Если у Феде появлялось больше трёх рублей, то они так ему жгли то место, где они лежали, что у Феде мозг чуть ли не воспламенялся и в нём, как картинки в мультфильме, вставали образы красоток с танцплощадок и различные видения разнообразных этикеток из известных отделов в гастрономах. Естественно, не молочных.

На этот раз интуиция Ивана не подвела, потому что Федя принялся выкладывать очередной план по проведению сегодняшнего вечера.

— Вот у нас в «Зелёном» магазине такого нет, а вот в «стекляшку» на Первой Морской завезли удивительный напиток... — и, сделав интригующую паузу, Федя уставился на Ивана.

— Ну и что это за напиток такой, на который ты хочешь меня соблазнить? — скривил губы Иван. — Ты что его пробовал уже?

— В том то и дело, что нет, — с сожалением цыкнул губами Федя. — А как бы хотелось... Знающие люди говорили, что это бесподобно, — в мечтательных грёзах Фёдор даже задрал глаза к потолку.

— Да ладно тебе трендеть, — рассмеялся Иван от мечтательного вида Феди. — Говори уже, что за пойло ты собираешься в этот раз глыкать.

— Ну почему сразу пойло? — обиделся Федя. — Это же ром «Негро»! — и, подняв интонацию голоса на слове «Не́гро», даже потряс указательным пальцем у себя над головой.

— Фу, — презрительно хмыкнул Иван. — Пойло какое-нибудь капиталистическое. От него только по утрам башка трещит.

— Никакое это не пойло, — горячо начал возражать Федя, — а классный ром. Знатоки говорят, что его только пираты у Магеллана пили!

— Ну, — во-первых, — тут же перебил развыступавшегося друга Иван, — Магеллан никогда не был пиратом. Он только первым совершил кругосветное путешествие, а во-вторых, мне надоело слушать твои рассказы, — и решительно встал с койки.

— Ну а что в-третьих? — Федя ничего не мог понять в перемене настроения Ивана.

— А, в-третьих, пошли и попробуем твоего пиратского напитка, — неожиданно пояснил Иван и, достав бушлат из рундука, принялся одеваться.

— Вот это правильное решение! — обрадовался Федя и, встав с баночки, собрался выходить из кубрика.

Доехав на автобусе номер один до памятника Ленина, они поднялись по Первой Морской мимо кафе «Аэлита» и в «стекляшке» купили так ярко описываемый Федей ром «Негро». Это оказалась бутылка зеленоватого цвета с яркой этикеткой, на которой лицо африканской наружности раскатило чуть ли не до ушей свои огромные красные губы. Стоил он, конечно, меньше двух пузырей «коленвала», но привлекал к себе экзотичным видом.

Что дальше делать с этой бутылкой, Иван не представлял.

Если проглотить её на двоих, то появлялась вероятность тут же скопытиться, хотя Федя в планах расписал Ивану посещение некоторых знакомых, с которыми он познакомился на танцах в прошлую субботу. Но если идти к девчонкам, то можно лишь чуть-чуть пригубить для сугреву и разогреву, но где это сделать, Иван не знал и понадеялся на сообразительность Феди.

Решение у того пришло моментально.

— Давай-ка к Михалычу завернём на «Морвокзал», — неожиданно предложил он. — По-моему, он сегодня должен быть на вахте, — вспомнил Федя.

Сказано, сделано. Иди то тут от «стекляшки» до Морвокзала — чуть-чуть. Спустился на привокзальную площадь, перешёл виадук — и ты на месте.

В «Морвокзале» Федя ориентировался, как у себя в кармане. Быстро прошмыгнув по коридорам и различным лестницам, они оказались в бойлерной, где за маленьким столиком в углу столь неприспособленного для душевных бесед помещения, сидел согбенный мужик.

Им оказался засушенный дедок пенсионного возраста, потрепанный невзгодами прошедших лет, делавший вид, что сосредоточенно несёт вахту.

Находясь в прострации или медитации, он в задумчивости рассматривал стоящую перед собой зелёную эмалированную кружку, в которую, по всей видимости, недавно налил чай. В его отсутствующем взгляде сквозила неопишуемая тоска, из-за осознания того, что данный напиток не сможет скрасить его никчемного существования, а где найти другой, мужик в данный момент не представлял. И все тоскливые мысли, пронзающие мозг этого несчастного создания, витали ореолом над его головой.

Увидев вошедшего Федю, Михалыч изобразил на своём несчастном лице, изборождённом многочисленными морщинами, подобие улыбки, а в его глазах проскользнул лучик надежды, что появление этого мощного парня в курсантской форме выведет его из депрессии.

— А-а, Феденька, дорогой, и с чем ты на этот раз пожаловал? А то что-то со здоровьем твориться неладное и как-то его надо подлечить, — заискивающе начал он, поднимаясь с кургузого стульчика.

— Здорово, Михалыч! Гляди, что у меня есть, — и Федя из-за обшлага бушлата вытянул зеленоватую бутылку с яркой этикеткой. — Это тебе не «Слёзы деда Хошимина» цедить. Это — убойная сила! — торжественно заявил он. — Это тебе не какое-нибудь вьетнамское пойло. Это вещь!

Вообще-то в обиходе жителей Владивостока «Слёзами деда Хошимина» назывался вьетнамский лимонный ликёр, которые банановозы привозили из Вьетнама, а грузчики при выгрузке, его и тридцать третье пиво экспроприировали, и в этой самой бойлерной эта адская смесь лилась рекой.

При виде зазывно манящей бутылки, Михалыч засуетился и полез в тумбочку за закусоном.

Но парни тоже оказались не лыком шиты. В «стекляшке» они приобрели курсантский набор. Пакет с салатом из морской капусты и банку рыбных котлет. Этим набором мягко намекалось, что хлеб всегда должен находиться в загашнике.

Протерев замызанной тряпкой гранёные стаканы, Михалыч с гордым видом выставил их на небольшой столик, небрежно отодвинув кружку с остывшим чаем.

Федя финтом знаменитого Гудини наполнил стоящие в ряд стаканы, а Михалыч сбоку осмотрел уровень налитого.

— Ну ты глаз-алмаз! — восхищённо вырвалось у него, когда он убедился, что в стаканах уровень одинаков.

— А то! — довольно изрёк Федя и, подняв один из стаканов, важно произнёс, ну точь-в-точь, как в одном из фильмов: — Ну, будем.

Напиток, конечно, мерзостью не отдавал, но вкус его и запах пришлось сразу же глушить, а то он колом встал в горле Ивана.

С трудом проглотив субстанцию и прокашлявшись, Иван едва отдышался.

— Фу, — невольно вырвалось у него. — Как только там у этих пиратов никто не загнулся от этой бурдомаги?

Зато Михалыч тут же отреагировал:

— Эх ты, слабак, — и потребовал у Феди: — Чё застыл? Наливай.

Федя вошёл в раж и содержимое бутылки вскоре приблизилось к мёртвому запасу.

— А это тебе, Михалыч, — решил Федя, передавая бутылку хозяину бойлерной. — А то у тебя вся ночь впереди. Будет, чем развлечься.

Выйдя из здания вокзала, парни поплотнее застегнули бушлаты и пошли к остановке трамвая. Всё-таки октябрь месяц во Владивостоке и в это позднее время на улице хорошо ощущалась промозглая сырость с неприятным пронизывающим северным ветерком.

Целью Феди оставалось посещение новых знакомых, которые, по его словам, пуританскими особенностями не обладали.

Доехав до площади Лазо, Феде пришла в голову очередная идея:

— Вань, — предложил он, — а чё это мы погрёмся к девам с пустыми руками? Давай ка выйдем сейчас, зайдём в четвёртый гастроном, винишка с конфетками возьмём и нагреем.

Ивану после употребления такого количества пиратской смеси уже было всё однозначно. Что с подарком, что без него. Он и сам уже выглядел, как тот подарок, который можно завернуть бантиком и долго-долго нести в туманную даль.

Но, подчинившись руководящей и направляющей силе друга, Иван безмолвно последовал в указанном направлении.

У кафе «Театральное» Федя неожиданно вспомнил:

— А зачем это мы будем покупать вино? А если их сейчас дома нет? — он, конечно, имел в виду девчонок. — Чё это мы в гастронорме погрёмся, давай я сначала позвоню им.

Порывшись в карманах с многочисленными воспоминаниями о женщинах наидревнейшей профессии, он всё-таки нашёл записку с телефонным номером, и они с трудом втиснулись в телефонную будку около кафе.

В будке из-за её внутреннего небольшого объёма они чувствовали себя довольно-таки неуютно, но выбитые окна на двери и стенах позволяли выставить из неё локти и не задохнуться от миазмов, исходящих от злостных потребителей заграничного пойла.

Плотно закрыв за собой дверь, Федя набрал номер телефона и принялся любезничать с виртуальной Нинкой, к которой нагло набивался в гости.

Что-то эта самая Нинка оказалась не в восторге от Фединогo звонка, но тот, не теряя надежды на приглашение, применял лесные выражения для её обольщения.

У будки выстроилась очередь в несколько человек, желающих что-то сказать своим друзьям и знакомым, но Федя, не замечая их, продолжал уговаривать Нинку и напрашиваться в гости.

Неожиданно Иван почувствовал, как кто-то толкает его в спину через разбитое окно:

— Харе трендеть по пустякам, пацаны. Тут вам не хавера, где можно базланить до беспредела. Другие тут тоже хотят кое-что сказать, понимаешь ли. Завязывай с базаром, — без всякого стеснения нагло требовал какой-то хмырь.

Иван развернулся и, увидев перед собой невероятно засушенный объект, которому он, конечно, не вежливо, но доходчиво пояснил:

— А не пошёл бы ты далеко! Когда надо, тогда и закончим. Другие вон стоят и не выступают, а ты заткнись и жди. Сейчас закончим и выйдем.

Но тощий, наверное, не расслышал ответа через разбитое стекло двери и начал её дёргать, пытаясь открыть. А когда это ему удалось, то потянул Ивана за рукав бушлата.

Такой наглости Иван уже стерпеть не смог и, размахнувшись, врезал хмырю по сопатке.

Тот от удара отлетел на несколько метров и опрокинулся на спину, но через секунду подскочил и во всю плотку заорал:

— Спасите, помогите!!! Убивают!!! Хулиганы!!! — ну и ещё много каких непотребностей, пролетевших мимо сознания Ивана.

Но и этого хватило, чтобы он направился к крикуну с целью завершения процесса обучения вежливости орущего нахала.

Но тот, предвидя необратимые последствия обучения, отскочил от будки и куда-то побежал. Куда он убежал, Иван не видел, потому что вновь вошёл в будку дожидаясь, когда Федя закончит обольстительные разговоры.

— Всё, — подвёл итог беседы Федя, положив трубку телефона, — пошли за винищем. Нинка сейчас подружку позовёт. Ох и погуляем!.. — и, обняв пошатывающегося Ивана, увлёк его в направление четвёртого гастронорма.

Но добраться до него у них не получилось.

У тротуара с визгом тормозов остановилась синяя милицейская машина и пара дюжих милиционеров без всяких сантиментов закрутили парочке обнявшихся курсантов руки за спину и затолкали в узкое отделение «лунохода», предназначенное для перевозки отъявленных преступников.

Машина резко дёрнулась с места и повезла, ничего не понявших курсантов, в неопределённом направлении.

Выгрузили их в узком переулочке около кинотеатра «Океан», где как знал Иван, находился вытрезвитель. Это он определил с первого взгляда, как только отсек «лунохода» открылся.

Под белы рученьки, грубо завернув их за спину, парочку гнедых препроводили в невзрачное помещение и усадили на деревянные лавки.

За стойкой, находящейся в противоположном углу комнаты сидела пара сержантов, а рядом на лавках, приколоченных к стенам, разместились несколько дружинников с красными повязками на руках, с любопытством смотревших на привезённых дебоширов.

— А этих ты чё сюда припёр? — недовольно спросил один из сержантов, сидевший за стойкой, указывая на Федю с Иваном.

— Выступали они там у четвёртого гастронома. Сигнал нам поступил, вот мы их и забрали, — пояснил один из милиционеров, который так умело закручивал руки назад.

— Так и везли бы их в училище, пусть бы с ними там разбирались. На фиг они нам тут нужны. От них у нас только один головняк, — недовольно отреагировал милиционер за стойкой.

— Вот не хватало нам ещё мотаться на Эгершельд, да с ихними вояками там иметь разговоры. Давай, принимай! А мы поехали. У нас тут ещё два вызова есть, — Иван, хоть и плохо соображал, но заметил, что милиционер зол и ему побыстрее хочется избавиться от ненужного груза.

— Ладно, — махнул, рукой сержант за стойкой. — Иди, сами разберёмся.

Развернув перед собой журнал, он посмотрел на дружинников:

— Помогите пациентам-клиентам перебраться сюда. Сейчас выясним, кто они такие, — и посмотрев на понурых Ивана с Фёдором потребовал: — Документы на стол! Быстро!

Дружинники подскочили к аморфным телам и помогли им перебазироваться к стойке, где осуществились необходимые процедуры по передаче новых клиентов в руки правосудия.

Произвели изъятие личных вещей, составили опись, которую подписали дружинники, по причине того, что карандаш в руках новых посетителей не держался. А если и держался, то постоянно выпадал.

Затем Ивана с Федей раздели до нижнего белья, оставив в трусах и тельняшках и, препроводив в комнату с кроватями, силком уложили на них. Какой-то мужик даже укрыл их одеялами. Остальное из памяти Ивана исчезло, так как он провалился в сон.

Проснулся Иван от того, что кто-то с истошными воплями молотит в железную дверь комнаты кулаками:

— Открывайте! За что вы меня тут держите! Выпустите меня на свободу! Я ничего не сделал! Мне в девять надо быть на совещании!

— Заткнись, — послышался с соседней койки голос Феди, — а то я сейчас встану и ноги тебе повыдергаю, тогда ты точно до своего совещания не дойдёшь. Ой, — это он уже простонал, — и что же так хреново то? Вань... — жалобно несло с его койки, — ... ты как там? Живой?

— Живой, живой, — еле раскрыв слипшиеся губы прохрипел Ванька. — Что это за пакость мы с тобой вчера уконтропутили? Чтоб я ещё больше её в рот взял. Ой, башка моя, башка... — в свою очередь стонал Ванька.

Набравшись сил, он поднял голову с койки, упёрся руками и сел, осматривая помещение, в котором очутился. Вчера вроде бы оно показалось ему чище, а сейчас его серость и унылость наводило тоску.

Крашенные ядовито-зелёной краской стены, белёный потолок с плафонами, забранными сеткой и кафельный пол радости не внушали. Особую колоритность помещению придавала оббитая жёстью дверь с небольшим зарешечённым окошком и с десятков коек, на которых в невообразимых позах распростёрлись тела «отдыхающих».

Из-за полуприкрытой двери в углу комнаты слышался звук текущей воды, струйки которой звонко журчали, видимо ударяясь о железную раковину. Этот звук манил к себе Ивана, обещая невообразимые наслаждения, потому что Сахара во рту говорила, что скоро настанет кирдык.

Иван напрягся и, ухватившись за спинку кровати, принял вертикальное положение. Его слегка повело из стороны в сторону, но он, не обращая внимания на уходящую из-под ног палубу, вцепился в спинку соседней кровати и, с трудом переставляя ноги и хватаясь за спинки соседних кроватей, побрёл на вождённый звук текущей воды.

Распахнув дверь, он сосредоточил всё своё внимание на струйке воды, вытекавшей из крана, вмонтированного в стену. Наверное, предыдущий пивец от бессилья не смог его прикрыть, поэтому драгоценная влага тоненькой струйкой ударялась об эмалированную поверхность железной раковины и разбрызгивалась во все стороны.

С невероятным усилием он сделал ещё один шаг, всей грудью упав на край раковины и, обхватив губами сосок крана сделал первый глоток, а потом не останавливаясь пил и пил эту невероятно вкусную и животворящую благодать.

Вскоре, почувствовав, что вода польётся из ушей и всех прилегающих отверстий, с трудом оторвался от крана и сделал глубокий вдох.

«О-о-о, — облегчённо подумалось ему, — а жизнь, вообще-то неплохая штука».

Но тут же отбросил от себя эту бредовую мысль, представив себе, что будет ожидать его с Федей, если до училища дойдёт весть, что они побывали в столь непотребном заведении.

Мысли одна хуже другой молниеносно пронзили гудящую, как медный котёл, голову.

Ещё неуверенно ступая, он вышел из санузла и, увидев койку, на которой страдал Федя, взял курс на неё.

Сев рядом с товарищем по несчастью, обречённого посмотрел на него:

— Чё делать то будем? — едва шевеля губами, на выдохе вырвалось у Ивана.

— А кто его знает? — облизывая пересохшие губы пробормотал Фёдор. — Выбираться отсюда надо. А то застрянем мы тут...

— Не застрянете, — раздался скрипящий голосишко из угла. — Они сейчас смену сдавать будут, так всех растолкают тут. А кто не встанет, того из шланга поливать будут.

— Кто они? — не понял его Иван и посмотрел в угол откуда нёсся скрип.

— Кто, кто? — хрипло рассмеялся знаток из угла. — Дубаки, вот кто.

— А ты откуда знаешь? — Иван в недоумении повернул голову в сторону говорящего, а когда присмотрелся к обладателю мерзкого голосишка, то он показался ему очень знакомым.

С трудом приподнявшись и по дуге большого круга, что-то от выпитой воды его по новой начало развозить, Иван направился к знатоку местных обычаев.

По мере приближения к цели, она всё глубже и глубже зарывалась под одеяло, а когда Иван вплотную подошёл к ханурику, то тот вжался в спинку кровати, прижал к лицу одеяло и испуганно смотрел на Ивана.

— Кого-то ты мне смутно напоминаешь, дядя, — вспоминая увиденное лицо, проговорил Иван и, протянув руку, сдёрнул с лица знатока местных обычаев одеяло.

Как же он поразился картиной, открывшейся перед ним.

Поджав под себя коленки и широко открыв глаза на него испуганно смотрело какое-то чучело.

Губа разбита, под глазом свежий лилово-красный фингал, под носом на щетине следы запёкшейся крови. Мужичонка, прижав коленки к тощей груди чуть ли тряся от страха.

— Слышь, а не тебя ли это я вчера припечатал? — в глубоком раздумье Иван смотрел на повреждённое лицо маргинального представителя.

— Ты чё? — ещё больше затрясся мужичонка. — Я тебя знать не знаю. Я тебя впервые вижу.

Но тут с Фединой койки раздалось:

— Чё там это у тебя случилось, Вань?

— Чё, чё? — хмыкнул Иван. — Слышь, Федя, меня тут начинают терзать смутные сомнения, а не тот ли это хмырь, который нас вчера сдал ментам?

— Вы чё, парни? — чуть ли не закричал мужичонка. — Не я это! Не я! Не было меня там!

— А откуда у тебя тогда фингалы? — напирал на него Иван, протягивая к тщедушному тельцу руки, жаждущие растерзать закладчика.

— А-я-я-яй! — заверещал во всю глотку мужичонка. — Убивают! Спасите! Помогите!!!

— Слышь, Федя, — обернулся к другу Иван. — А ведь тот точно также орал...

— Эт точно, — чуть ли не прорычал Федя, поднимаясь с кровати. — Дай-ка я с ним побазланю...

Но поговорить с маргинальной личностью не удалось, потому что дверь с зарешечённым оконцем распахнулась и в комнату с криками ворвались два милиционера.

— Что за крики?! Кого убивают? — орали они, готовые кинуться на Ивана.

— Да никто никого не убивает, — расставив руки удивлённо воскликнул Иван, показывая на ханурика: — Это член с кровати тут упал, а я его поднял и на кровать обратно положил. А он, ка-ак разорётся! У него что, не все дома, что ли? — и покрутил пальцем у виска.

— А-а, этот что ли? — посмотрел на ханурика один из милиционеров. — Васильев по моему? Так он у нас тут клиент постоянный. Наверное, опять белочку хватанул. — Но, прервав объяснения, обратился к Феде и Ивану: — А вы, курсанты, давайте-ка на выход отсюда. Начальник вас хочет видеть.

Иван с удивлением посмотрел на мента, потом на Фёдора и, пожав плечами, направился к выходу из негостеприимной комнаты. За ним последовал и Фёдор.

В комнату, где в углу находилась стойка со столом, им вынесли два мешка, а один из милиционеров, кинув мешки на лавки приказал:

— Одевайтесь, да к начальнику идите.

Достав одежду, Иван надел фланку, натянул брюки, застегнув на них клапан, подтянул ремень, расправил фланку на поясе и накинул бушлат. Из маленького мешочка, оказавшегося в кармане бушлата вынул курсантский билет с часами и смятые купюры. Тупо повертев деньги в руках, попытался пересчитать их, но это у него не получилось. Пальцы не слушались, а при складывании два плюс два, получалось три. Тогда бросив это бесполезное занятие, он сунул деньги в карман. Ему показалось, что их вчера было намного больше, но разбираться куда делись деньги, ему сейчас абсолютно не хотелось.

Покончив с одеванием, парни усталились на милиционеров, с нетерпением ожидавших окончания этого процесса.

— Пошли, — кивнул им милиционер и пошёл по едва освещённому коридору.

Перед одной из дверей он остановился и громко постучал в неё.

Из-за двери послышалось:

— Заходи, не заперто.

Милиционер открыл дверь, запустил в кабинет Фёдора с Иваном и, подойдя к высокому капитану, доложил:

— Товарищ капитан, по вашему приказанию курсанты доставлены.

— Добро, — кивнул капитан. — Свободен, — и напомнил сержанту: — Журнал занеси мне.

— Есть, — отрепетовал милиционер и, развернувшись, вышел из кабинета начальника, а тот подошёл к понуро стоящим курсантам и принялся их разглядывать.

— Хороши, — разочарованно покрутил он головой. — С виду, вроде бы нормальные парни — и на тебе! У нас они тут... в гостях, — хмыкнул он. — Что же вы, ребята, так себя не любите? Вы же, считай, под своей судьбой черту подвели.

Капитан прошёлся по небольшому кабинету, посмотрел в небольшое зарешечённое окошко и вновь подошёл к молча стоящим Фёдору и Ивану.

— Вот что мне с вами делать прикажите? — в размышлении продолжил он. — Ума не приложу. По правилам я должен сразу доложить о вас вашему начальству. А там с вами разговор будет короткий. Пинка под зад и считай... — капитан посмотрел на лычки на рукавах бушлатов у Ивана с Фёдором, — ... что все ваши пять лет обучения пошли коту под хвост. И — здравствуй наша родная Советская Армия. А там ещё неизвестно, закончите вы своё училище или нет, если отслужите.

Капитан молча обошёл стоящих парней, и вновь посмотрел на лычки у них на рукавах:

— Да, пять лет обучения, — в задумчивости проговорил он. — Но не в этом суть, а суть в том, что своим попаданием сюда, вы перечеркнули всё к чему стремились и о чём мечтали. Так ведь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.